

Самюэль ХАНТИНГТОН
**Столкновение
цивилизаций**

NEOCLASSIC

Самюэль Хантингтон

Столкновение цивилизаций

«Издательство АСТ»

1996

Хантингтон С.

Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон — «Издательство АСТ», 1996

ISBN 978-5-17-072374-4

Книга Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» – один из самых популярных геополитических трактатов 1990-х годов. Возникшая из статьи в журнале «Foreign Affairs», которая вызвала наибольший резонанс за всю вторую половину XX века, она по-новому описывает политическую реальность наших дней и дает прогноз глобального развития всей земной цивилизации.

ISBN 978-5-17-072374-4

© Хантингтон С., 1996
© Издательство АСТ, 1996

Содержание

Предисловие Збигнева Бжезинского	6
Предисловие	8
Часть 1	10
Глава 1	10
Введение: флаги и культурная идентичность	10
Многополюсный, полицивилизационный мир	11
Другие миры?	15
Карты и парадигмы	15
Один мир: эйфория и гармония	17
Два мира: мы и они	18
Почти 184 страны	19
Сущий хаос	20
Сравнение миров: реалии, теоретизирование и предсказания	21
Глава 2	25
Природа цивилизаций	25
Синская цивилизация	29
Японская цивилизация	29
Индуистская цивилизация	29
Исламская цивилизация	29
Православная цивилизация	29
Западная цивилизация	30
Латиноамериканская цивилизация	30
Африканская (возможно) цивилизация	31
Взаимоотношения между цивилизациями	32
Случайные встречи. цивилизации до 1500 года до н. э.	32
Коллизия: подъем запада	33
Взаимодействия: полицивилизационная система	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Самюэль Хантингтон

Столкновение цивилизаций

© Samuel P. Huntington, 1996

© Перевод. Т. Велимеев, 2006

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Samuel P. Huntington THE CLASH OF CIVILIZATIONS

Под общей редакцией К. Королева и Е. Кривцовой

Компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения Samuel P. Huntington QTIP Marital Trust и литературных агентств Georges Borchardt, Inc. и Andrew Nurnberg

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Предисловие Збигнева Бжезинского

Книга «Столкновение цивилизаций» чрезвычайно богата по своему замыслу и воплощению. Она дает новое понимание современного мирового хаоса и предлагает новый словарь для интерпретации стремительно растущих проблем нашего все более тесного мира. Предложенный Хантингтоном анализ тектонических сдвигов в таких базовых областях, как вера, культура и политика, поначалу ошеломляет, но с каждой страницей становится все более убедительным. Нет никаких сомнений, что эта книга займет свое место среди немногих поистине глубоких и серьезных работ, необходимых для ясного понимания современного состояния мира.

Широта кругозора и острая проницательность автора вызывают неподдельное восхищение и даже, как это ни парадоксально, некоторый скепсис (особенно в начале чтения): уж слишком, на первый взгляд, легко он преодолевает традиционные линии разграничения между социальными науками. Иной раз даже возникает желание оспорить некоторые личные оценки Хантингтона или развить его воззрения в манихейском духе. Эта книга обрела поистине глобальную читательскую аудиторию, что является ярким свидетельством того, что она гораздо лучше отвечает широко распространенному ныне стремлению глубже и точнее понять невероятно сложную историческую реальность наших дней, чем классические социальные дисциплины.

Однако прежде чем идти дальше, я должен сделать два откровенных признания.

Во-первых, хочу признаться, что мы с Сэмом были близкими друзьями на протяжении большей части нашей сознательной жизни. Мы вместе учились в аспирантуре в Гарварде, а затем преподавали. Подружились и наши жены. После того как Сэм переехал из Гарварда в Колумбийский университет, он уговорил меня последовать за ним. Наши пути разошлись, когда он возвратился в Гарвард, а я остался в Колумбийском университете, однако нам все-таки удалось совместно написать книгу. Позднее, когда я уже работал в Белом доме, он снова присоединился ко мне и занимался всесторонней стратегической экспертизой глобального соперничества между США и Советским Союзом. В администрации Картера и Рейгана самым серьезным образом прислушивались к его мнению.

Во-вторых, несмотря на дружеские отношения, мы порой расходились во взглядах. По правде говоря, я довольно скептически воспринял основную идею его книги, когда он впервые высказал ее в статье, опубликованной в 1993 г. в июльском выпуске «Foreign Affairs» («Международные отношения»). Как и многие другие, я был впечатлен широтой анализа автора, но меня несколько смутила попытка уложить в некоторую общую интеллектуальную схему невообразимо сложную динамику современных национальных, религиозных и социальных конфликтов, происходящих в мире. Однако выслушав аргументы Сэма, прозвучавшие в ответ на критику в различных дискуссиях, и прочитав книгу целиком, я полностью избавился от изначального скепсиса. Я убедился, что его подход важен не только для понимания современных мировых отношений, но и для рационального воздействия на них.

Нужно подчеркнуть еще один момент. Наряду с превосходной интерпретацией сложностей политической эволюции, книга Хантингтона представляет собой интеллектуальную стартовую площадку для политиков новой формации. Это люди, которые считают неприемлемой пассивную капитуляцию перед упрощенным историческим детерминизмом и не считают конфликт цивилизаций неизбежным моральным императивом нашего времени. Некоторые сторонники таких крайних воззрений после 11 сентября поддались искушению свести цивилизационные вызовы противостоящего Америке мира к простому лозунгу: «Мы любим свободу, они ее ненавидят». И нет ничего удивительного в том, что политические выводы, извлеченные из такого упрощенного и даже демагогического противопоставления, привели к обескураживающим результатам, когда их попытались применить в реальной жизни.

Книга «Столкновение цивилизаций» с точки зрения политологии представляет собой великое предупреждение. Почти за десять лет до 11 сентября Хантингтон предупреждал, что в современном, политически пробудившемся, мире наше осознание особенностей различных цивилизаций требует от нас (так же, как атомное оружие, представляющее опасность для всего человечества) ориентации на межцивилизационные коалиции, на взаимное уважение и сдержанность в стремлении управлять другими нациями. Вот почему работа Хантингтона является новаторской не только в интеллектуальном плане, но и претендует на настоящую политическую мудрость.

Предисловие

Летом 1993 года журнал «Foreign Affairs» опубликовал мою статью, которая была озаглавлена «Столкновение цивилизаций?». По словам редакторов «Foreign Affairs», эта статья за три года вызвала больший резонанс, чем любая другая, напечатанная ими с 1940-х годов. И конечно же, она вызвала больший ажиотаж, чем все что я написал ранее. Отклики и комментарии приходили из десятков стран, со всех континентов. Люди были в той или иной степени поражены, заинтригованы, возмущены, напуганы и сбиты с толку моим заявлением о том, что центральным и наиболее опасным аспектом зарождающейся глобальной политики станет конфликт между группами различных цивилизаций. Видимо, ударило по нервам читателей всех континентов.

С учетом того, какой интерес вызвала статья, а также количества споров вокруг нее и искажения изложенных фактов, мне видится желательным развить поднятые в ней вопросы. Замечу, что одним из конструктивных путей постановки вопроса является выдвижение гипотезы. Статья, в заглавии которой содержался проигнорированный всеми вопросительный знак, была попыткой сделать это. Настоящая книга ставит своей целью дать более полный, более глубокий и подтвержденный документально ответ на вопрос, поставленный в статье. Здесь я предпринял попытку доработать, детализировать, дополнить и, по возможности, уточнить вопросы, сформулированные ранее, а также развить многие другие идеи и осветить темы, не рассмотренные прежде вовсе или затронутые мимоходом. В частности, речь идет о концепции цивилизаций; о вопросе универсальной цивилизации; о взаимоотношениях между властью и культурой; о сдвиге баланса власти среди цивилизаций; о культурных истоках не-западных обществ; о конфликтах, порожденных западным универсализмом, мусульманской воинственностью и притязаниями Китая; о балансировании и тактике «подстраивания» как реакции на усиление могущества Китая; о причинах и динамике войн по линиям разлома; о будущем Запада и мировых цивилизаций. Одним из важных вопросов, не рассмотренных в статье, является существенное влияние роста населения на нестабильность и баланс власти. Второй важный аспект, не упомянутый в статье, подытожен в названии книги и завершающей ее фразе: «...столкновения цивилизаций представляют наибольшую угрозу миру во всем мире, и международный порядок, учитывающий интересы разных цивилизаций, является самой надежной мерой предупреждения мировой войны».

Я не стремился написать социологический труд. Напротив, книга задумывалась как трактовка глобальной политики после холодной войны. Я стремился представить в ней общую парадигму, систему обзора глобальной политики, которая будет ясной для исследователей и полезной для политиков. Проверка ее ясности и полезности заключается не в том, охватывает ли она все, что происходит в глобальной политике. Естественно, нет. Проверка заключается в том, предоставит ли она в ваше распоряжение полезную проясняющую линзу, сквозь которую можно рассматривать международные процессы. Кроме того, никакая парадигма не может существовать вечно. В то время как международный подход может оказаться полезным для понимания глобальной политики в конце двадцатого – начале двадцать первого века, это не означает, что он окажется в равной мере действенным для середины двадцатого или середины двадцать первого века.

Идеи, которые затем воплотились в статье и этой книге, были впервые публично выражены на лекции в Американском институте предпринимательства в Вашингтоне в октябре 1992 года, а затем изложены в сообщении, подготовленном для проекта Института стратегических исследований Джона М. Олина «Изменения в глобальной безопасности и американские национальные интересы», который был воплощен благодаря фонду Смита – Ричардсона. После публикации статьи я участвовал в бесчисленных семинарах и дискуссиях с представи-

телями правительственных, академических, предпринимательских и иных кругов в Соединенных Штатах. Кроме того, мне посчастливилось принимать участие в обсуждениях статьи и ее тезисов во многих других странах, включая Аргентину, Бельгию, Великобританию, Германию, Испанию, Китай, Корею, Люксембург, Россию, Саудовскую Аравию, Сингапур, Тайвань, Францию, Швецию, Швейцарию, ЮАР и Японию. Эти встречи познакомили меня со всеми основными цивилизациями, кроме индуистской, и я вынес бесценный опыт из общения с участниками этих дискуссий. В 1994 и 1995 годах я проводил в Гарварде семинар о природе мира после холодной войны, и меня вдохновили его живая атмосфера и довольно критичные подчас замечания студентов. Неоценимый вклад в работу внесли также мои коллеги и единомышленники из Института стратегических исследований Джона М. Олина и Центра международных дел при Гарвардском университете.

Рукопись была полностью прочитана Майклом С. Дэшем, Робертом О. Кеохане, Фаридом Закария и Р. Скоттом Циммерманном, чьи замечания способствовали более полному и ясному изложению материала. В ходе написания Скотт Циммерманн оказал неоценимое содействие в исследовательских работах. Без его энергичной, квалифицированной и преданной помощи книга ни за что не была бы завершена в такие сроки. Наши ассистенты из студентов – Питер Джун и Кристиана Бриггс – также внесли свой конструктивный вклад. Грейс де Мажистри напечатала раннюю версию рукописи, а Кэрол Эдвардс с вдохновением и энтузиазмом переделывала рукопись так много раз, что она, должно быть, знает ее почти наизусть. Дениз Шеннон и Линн Кокс из издательства «Жорж Боршар» и Роберт Ашания, Роберт Бендер и Джоанна Ли из издательства «Саймон энд Шустер» энергично и профессионально подготовили рукопись к публикации. Я бесконечно благодарен всем, кто помогал мне с созданием этой книги. Она получилась намного лучше, чем была бы в ином случае, и оставшиеся недоработки лежат на моей совести.

Моя работа над этой книгой стала возможной благодаря финансовой поддержке фондов Джона М. Олина и Смита-Ричардсона. Без их содействия процесс написания растянулся бы на годы, и я премного благодарен им за их щедрую помощь в этом начинании. В то время как другие фонды фокусируют свою деятельность на внутренней проблематике, фонды Олина и Смита – Ричардсона заслуживают одобрения за то, что содействуют изучению вопросов войны и мира, национальной и международной безопасности.

С. П. Хантингтон

Часть 1

Мир цивилизаций

Глава 1

Новая эра мировой политики

Введение: флаги и культурная идентичность

Третьего января 1992 года в зале одного из правительственных зданий Москвы состоялась встреча российских и американских ученых. За две недели до этого Советский Союз прекратил свое существование, и Российская Федерация стала независимым государством. Вследствие этого памятник Ленину, красовавшийся прежде на сцене аудитории, исчез, зато на стене появился российский флаг. Единственной проблемой, как заметил один из американцев, было то, что флаг вывесили вверх ногами. После того как замечание было передано представителям принимающей стороны, во время первого же перерыва ошибка была быстро и спокойно исправлена.

За годы, прошедшие после окончания холодной войны, мы стали свидетелями начала огромных перемен в самоидентификации народов и символах их идентичности. Глобальная политика начала выстраиваться вдоль новых линий – культурных. Перевернутые флаги были знаком перехода, но все больше и больше флагов развеваются высоко и гордо, а русские и другие народы сплываются вокруг них и прочих символов своей новой культурной идентичности.

18 апреля 1994 года две тысячи человек собрались в Сараеве, размахивая флагами Саудовской Аравии и Турции. Подняв над собой эти стяги вместо флагов ООН, НАТО или США, эти жители Сараева отождествляли себя со своими братьями-мусульманами и показали миру, кто их настоящие и «не такие уж и настоящие» друзья.

16 октября 1994 года в Лос-Анджелесе 70 000 человек вышли на улицы с «морем мексиканских флагов», протестуя против вынесенной на референдум поправки 187, которая отменяла многие государственные льготы для незаконных эмигрантов и их детей. «Почему они вышли на улицы с мексиканским флагом и требуют, чтобы эта страна давала им бесплатное образование? – интересовались наблюдатели. – Им следовало бы размахивать американским флагом». И в самом деле, две недели спустя протестующие вышли на улицы с американским флагом – перевернутым. Эта выходка с флагом обеспечила победу поправки 187, которая была одобрена 59 % жителей Калифорнии, имеющих право голоса.

В мире после холодной войны флаги имеют значение, как и другие символы культурной идентичности, включая кресты, полумесяцы и даже головные уборы, потому что имеет значение культура, а для большинства людей культурная идентичность – самая важная вещь. Люди открывают новые, а зачастую и старые символы идентичности и выходят на улицы под новыми, а порой и старыми флагами, что приводит к войнам с новыми, но нередко и старыми врагами.

В романе Майкла Дибдина «Мертвая лагуна» устами венецианского националиста-демагога выражен весьма мрачный, но характерный для нашего времени взгляд на мир: «Не может быть настоящих друзей без настоящих врагов. Если мы не ненавидим того, кем мы не являемся, мы не можем любить того, кем мы являемся. Это старые истины, которые мы с болью заново открываем после более чем столетия сентиментального лицемерия. Те, кто отрицает эти истины, отрицает свою семью, свое наследие, свое право по рождению, самое себя! И таких

людей нельзя с легкостью простить». Прискорбную правдивость этих старых истин не может отрицать ни ученый, ни политик. Для людей, которые ищут свои корни, важны враги, и наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль «линий разлома» между основными мировыми цивилизациями.

Основная идея этого труда заключается в том, что в мире после холодной войны культура и осознание различной культурной идентичности (которая в самом широком понимании совпадает с идентичностью цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта. В пяти частях книги выводятся следствия из этой главной предпосылки.

Часть I: Впервые в истории глобальная политика и многополюсна, и полицивилизационна; модернизация отделена от «вестернизации» – распространения западных идеалов и норм и не приводит ни к возникновению всеобщей цивилизации в точном смысле этого слова, ни к вестернизации незападных обществ.

Часть II: Баланс влияния между цивилизациями смещается: относительное влияние Запада снижается; растет экономическая, военная и политическая мощь азиатских цивилизаций; демографический взрыв ислама имеет дестабилизирующие последствия для мусульманских стран и их соседей; не-западные цивилизации вновь подтверждают ценность своих культур.

Часть III: Возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях: социумы, имеющие культурное сходство, сотрудничают друг с другом; попытки перемещения социума из условий одной цивилизации в другие и чуждые оказываются бесплодными; страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций.

Часть IV: Универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьезным – с исламом и Китаем; на локальном уровне войны на линиях разлома, большей частью – между мусульманами и не-мусульманами, вызывают «сплочение родственных стран», угрозу дальнейшей эскалации конфликта и, следовательно, усилия основных стран прекратить эти войны.

Часть V: Выживание Запада зависит от того, подтвердят ли вновь американцы свою западную идентичность и примут ли жители Запада свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную, а также их объединения для сохранения цивилизации против вызовов незападных обществ. Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания.

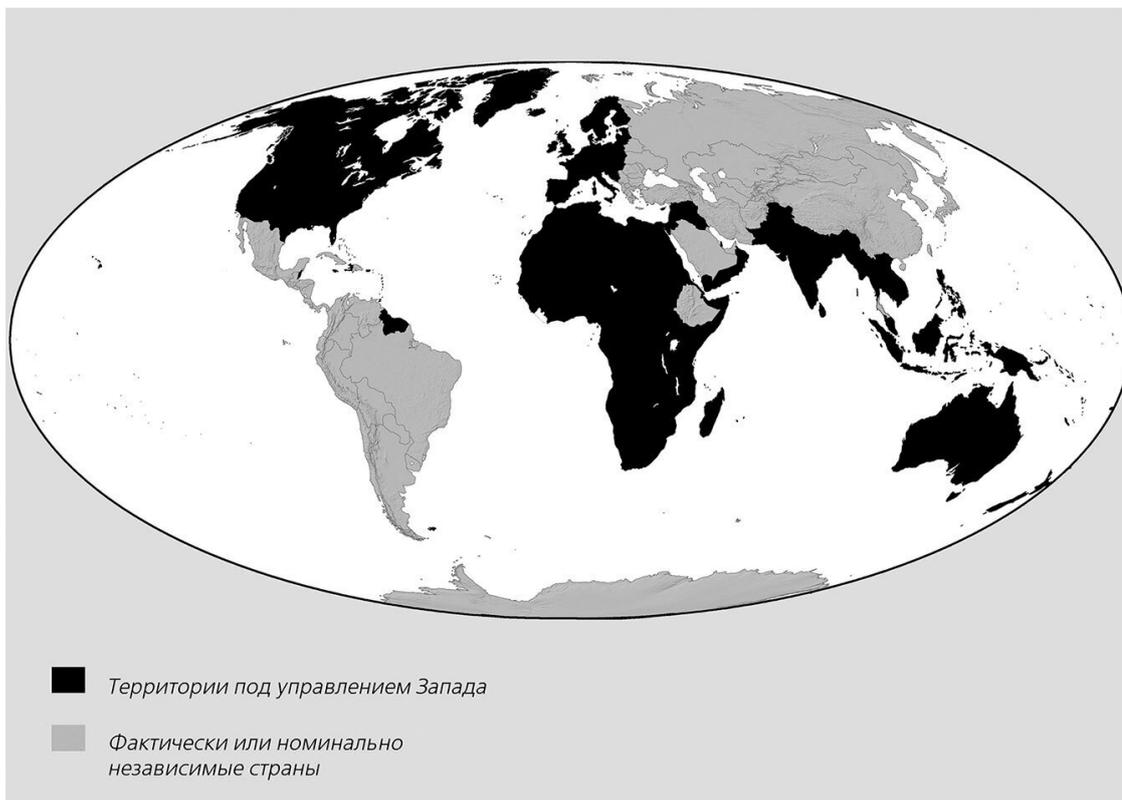
Многополюсный, полицивилизационный мир

Политика в мире после холодной войны впервые в истории стала и многополюсной, и полицивилизационной. Большую часть существования человечества цивилизации контактировали друг с другом лишь время от времени или не имели контактов вовсе. Затем, с началом современной эры, около 1500 года н. э., глобальная политика получила два направления. На протяжении более четырехсот лет национальные государства Запада – Британия, Франция, Испания, Австрия, Пруссия, Германия, Соединенные Штаты и другие – представляли собой многополюсную международную систему в пределах западной цивилизации. Они взаимодействовали и конкурировали друг с другом, вели войны друг против друга. В то же время западные нации расширялись, завоевывали, колонизировали и оказывали несомненное влияние на все остальные цивилизации (см. карту 1.1). Во время холодной войны глобальная политика стала биполярной, а мир был разделен на три части. Группа наиболее процветающих и могущественных держав, ведомая Соединенными Штатами, была втянута в широкомасштабное идеологическое, экономическое и временами военное противостояние группе небогатых коммунистических стран, сплоченных и ведомых Советским Союзом. Этот конфликт в значительной

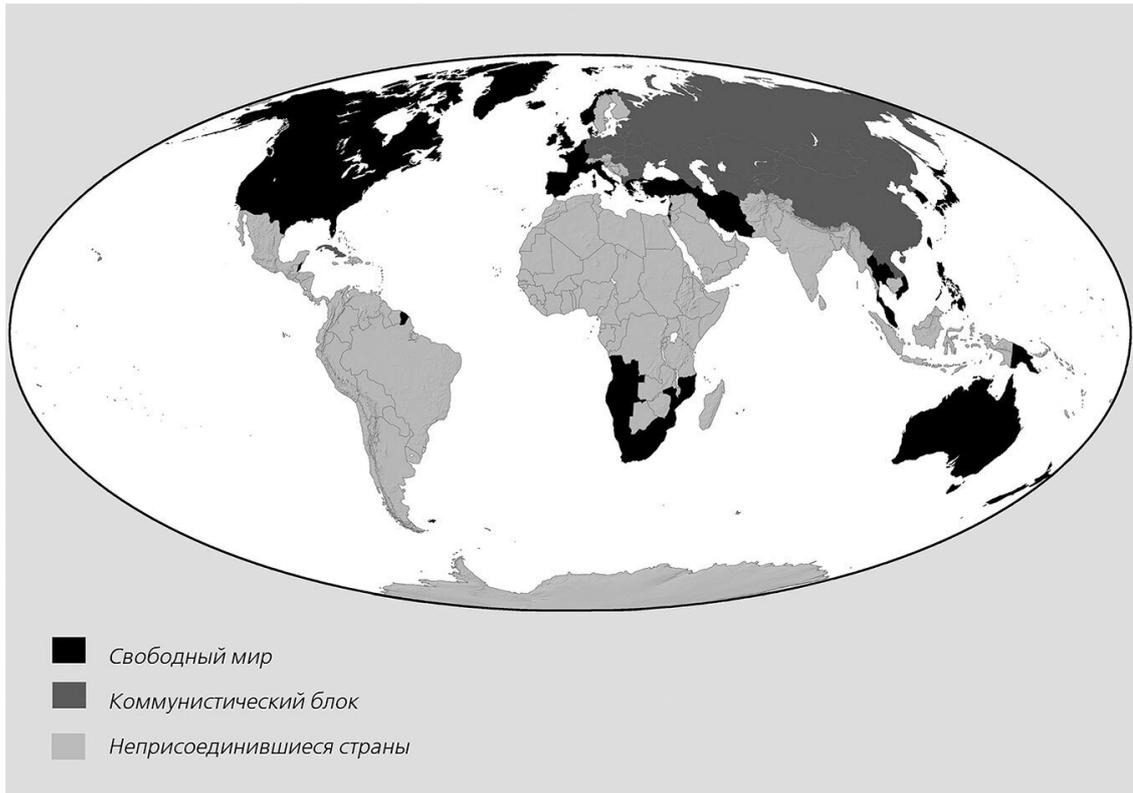
степени проявлялся за пределами двух лагерей – в третьем мире, который состоял зачастую из бедных, политически нестабильных государств, которые лишь недавно обрели независимость и заявили о политике неприсоединения (карта 1.2).

В конце 1980-х коммунистический мир рухнул, и международная система времен холодной войны стала историей. В мире после холодной войны наиболее важными между людьми стали уже не идеологические, политические или экономические различия, а культурные. Народы и нации пытаются дать ответ на самый простой вопрос, с которым может столкнуться человек: кто мы есть. И они отвечают традиционным образом – обратившись к понятиям, имеющим для них наибольшую важность. Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов. Мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы.

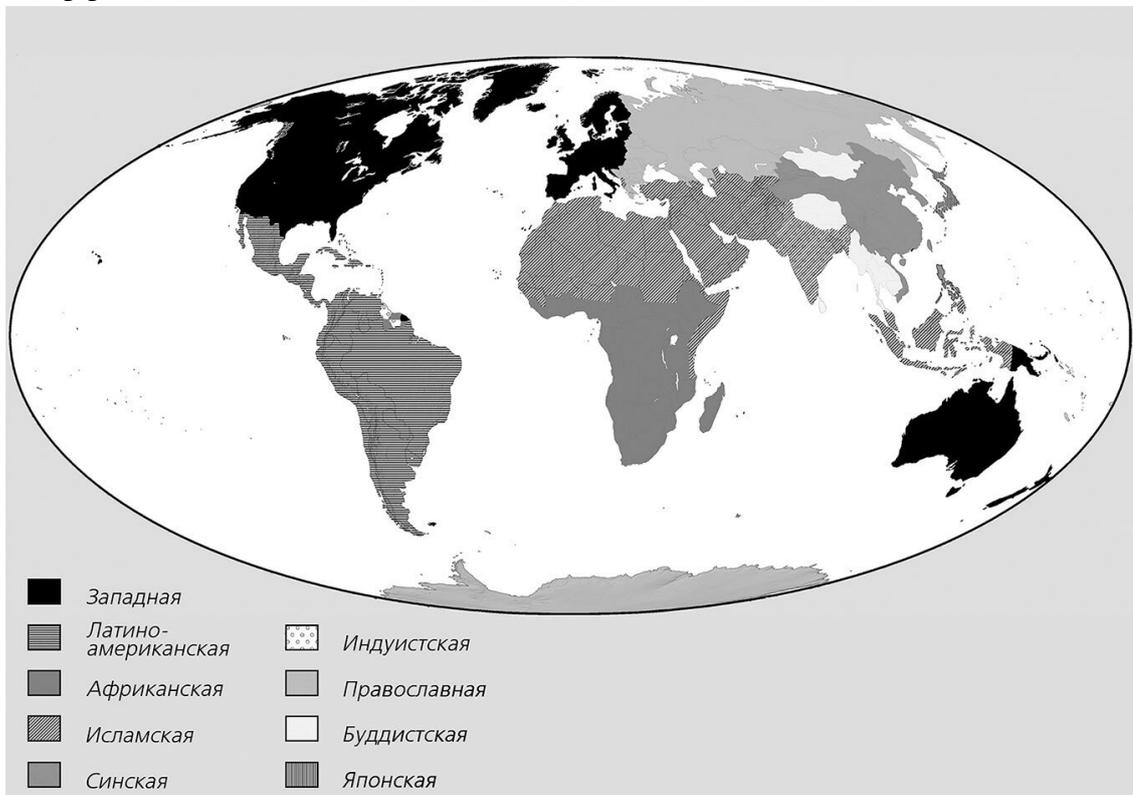
Карта 1.1
Запад и остальные: 1920

Карта 1.2
Мир холодной войны: 1960-е

Карта 1.3
Мир разных цивилизаций: после 1990-х годов

Основными игроками на поле мировой политики остаются национальные государства. Их поведение, как и в прошлом, определяется стремлением к могуществу и процветанию, но

определяется оно и культурными предпочтениями, общностями и различиями. Наиболее важными группировками государств являются уже не три блока времен холодной войны, но, скорее, семь или восемь основных мировых цивилизаций (карта 1.3). Не-западные общества, особенно в Южной Азии, повышают свое экономическое благосостояние и создают основу для увеличения военной мощи и политического влияния. С повышением могущества и уверенности в себе не-западные страны все больше утверждают свои собственные ценности и отвергают те, которые «навязывает» им Запад. «Международная система двадцать первого века, – заметил Генри Киссинджер, – будет состоять по крайней мере из шести основных держав – Соединенных Штатов, Европы, Китая, Японии, России и, возможно, Индии, а также из множества средних и малых государств» [1]. Шесть держав Киссинджера принадлежат к пяти различным цивилизациям, и, кроме того, есть еще влиятельные исламские страны, чье стратегическое расположение, большое население и запасы нефти делают их весьма значимыми фигурами мировой политики. В этом новом мире локальная политика является политикой этнической, или расовой, принадлежности; глобальная политика – это политика цивилизаций. Соперничество сверхдержав сменилось столкновением цивилизаций.

В этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентичности. Внутри цивилизаций будут случаться межплеменные войны и этнические конфликты. Столкновения и вспышки насилия между странами различной цивилизационной принадлежности несут с собой потенциал эскалации, так как чреватые втягиванием в конфликт «братских народов» [2]. Кровавое столкновение кланов в Сомали не несет угрозы расширения конфликта. Кровавое столкновение племен в Руанде имеет последствия для Уганды, Заира и Бурунди, но не более того. Кровавые столкновения цивилизаций в Боснии, на Кавказе, Центральной Азии или в Кашмире могут разрастись в большие войны. В югославском конфликте Россия предоставляла дипломатическую помощь сербам, а Саудовская Аравия, Турция, Иран и Ливия предоставляли финансовую помощь и оружие боснийцам не по причинам идеологии, политики с позиции силы или экономических интересов, но из-за культурного родства. «Культурные конфликты, – заметил Вацлав Гавел, – усиливаются, и сегодня стали опаснее, чем когда-либо в истории»; а Жак Делор согласился, что «грядущие конфликты будут загораться от искры скорее национального фактора, чем экономического или идеологического». И наиболее опасные культурные конфликты – те, которые имеют место вдоль линий разлома между цивилизациями.

В мире после холодной войны культура является силой одновременно и объединяющей, и вызывающей рознь. Люди, разделенные идеологией, но ощущающие культурное родство, объединяются, как это уже сделали две Германии, и еще начинают делать две Кореи и несколько Китаев. Общества, объединенные идеологией, но в силу исторических обстоятельств разделенные культурно, распадаются, как это случилось с Советским Союзом, Югославией и Боснией, или входят в состояние напряженности, как в случае с Украиной, Нигерией, Суданом, Индией, Шри-Ланкой и многими другими странами. Страны, сходные в культурном плане, сотрудничают экономически и политически. Международные организации, основанные на государствах с культурной общностью, как, например, Европейский союз, намного более успешны, чем те, которые пытаются перешагнуть культурные барьеры. На протяжении сорока пяти лет железный занавес был центральной линией раздела в Европе. Сейчас эта линия переместилась на несколько сот миль на восток. Сейчас она отделяет народы западного христианства от мусульманских и православных.

Философские воззрения, основополагающие ценности, социальные отношения, обычаи и общие взгляды на жизнь значительно отличаются в разных цивилизациях. Возрождение религии в большей части мира усиливает эти культурные различия. Культуры могут изменяться, и природа их влияния на политику и экономическое развитие может различаться в разные исто-

рические периоды. И все же очевидно, что основные различия политического и экономического развития цивилизаций имеют корни в различии культур. Восточноазиатский экономический успех обусловлен восточноазиатской культурой, как и трудности, с которыми столкнулись восточноазиатские страны на пути построения стабильных демократических систем. Причины провала установления демократии в большей части мусульманского мира во многом кроются в исламской культуре. Развитие посткоммунистических обществ Восточной Европы и на пространстве бывшего Советского Союза определяется цивилизационной идентичностью. Страны с западно-христианскими корнями добиваются успеха в экономическом развитии и установлении демократии; перспективы экономического и политического развития в православных странах туманны; перспективы мусульманских стран и вовсе безрадостны.

Запад есть и еще долгие годы будет оставаться самой могущественной цивилизацией. И все же его могущество по отношению к другим цивилизациям сейчас снижается. В то время как Запад пытается утвердить свои ценности и защитить свои интересы, не-западные общества стоят перед выбором. Некоторые из них предпринимают попытки подражать Западу, присоединиться к нему и слиться с ним. Другие – конфуцианские и исламские – общества стремятся наращивать свою экономическую и военную мощь, чтобы противостоять Западу, создавая достойный противовес. Центральной осью политики мира после холодной войны является, таким образом, силовое соотношение и политическое взаимодействие и западной и не-западных цивилизаций.

Всего в мире после холодной войны насчитывается семь или восемь главных цивилизаций. Характер связей между странами, общность интересов или антагонизм определяются общностью или различием культурных корней. Важнейшие страны мира принадлежат к совершенно различным цивилизациям. Наибольшую степень вероятности перерастания в крупномасштабные войны имеют локальные конфликты между группами и государствами из различных цивилизаций. Доминирующие модели политического и экономического развития не одинаковы в разных цивилизациях. Нарастание государственной мощи смещается от давно господствующего Запада к не-западным цивилизациям. Глобальная политика стала многополюсной и полицивилизационной.

Другие миры?

Карты и парадигмы

Конечно, это упрощение – считать, что картина мировой политики после холодной войны и в самом деле определяется только культурными факторами и касается взаимоотношений между странами и группами из различных цивилизаций, поскольку при этом не учитываются многие факторы, некоторые вещи искажаются, а другие становятся неясными. Но для вдумчивого анализа ситуации в мире и эффективного воздействия на нее необходима какая-то упрощенная карта реальности, какая-то теория, модель, парадигма. Без таких умозрительных построений останется, как выразился Уильямс Джемс, лишь «пестрое шумное смятение». Интеллектуальный и культурный прогресс, как показал Томас Кун в своем классическом труде «Структура научных революций», состоит из замены одной парадигмы, которая перестала находить объяснения новым или вновь открытым фактам, той, которая более удовлетворительно толкует эти факты. «Чтобы быть принятой как парадигма, – писал Кун, – теория должна казаться лучшей, чем ее конкуренты, но ей не нужно – и на самом деле она никогда этого не делает – объяснять все факты, с которыми она может столкнуться» [4]. «Чтобы пройти по незнакомой территории, – мудро заметил Джон Льюис Гэддис, – нам обычно требуется какая-нибудь карта. Картография, как и само познание, является необходимым упрощением, которое

позволяет нам увидеть, где мы находимся и куда мы можем пойти». Он также подчеркнул, что образ состязания супердержав времен холодной войны был подобной моделью, впервые охарактеризованной Гарри Трумэном как «метод геополитической картографии, который описывает международный ландшафт общедоступными терминами, подготавливая таким образом почву для сложной стратегии сдерживания, каковой суждено вскоре появиться». Мировоззрения и каузальные теории являются неотъемлемыми ориентирами международной политики [5].

На протяжении сорока лет в области международных отношений было принято думать и действовать в рамках крайне упрощенной, но весьма полезной парадигмы мировых взаимоотношений времен холодной войны. Эта парадигма не могла привлечь во внимание все, что происходило в мировой политике. Было много аномалий, выражаясь языком Куна, и временами этот традиционный взгляд закрывал глаза ученых и государственных деятелей на важные события, как, например, китайско-советский конфликт. И все же, как простая модель глобальной политики, она позволяла рассматривать больше значительных явлений, чем все ее конкуренты, была важной отправной точкой для понимания международных дел, а вследствие этого была принята практически повсеместно и формировала видение мировой политики двух поколений.

Упрощенные парадигмы, схемы и карты необходимы для человеческого мышления и деятельности. С одной стороны, мы можем ясно формулировать теории или модели и сознательно применять их как ориентиры нашего поведения. С другой стороны, мы можем отрицать необходимость подобных ориентиров и делать вид, что мы действуем в рамках каких-то «объективных» факторов, разбираясь каждый раз «по существу». Однако если примем такую позицию, мы будем обманывать себя. Потому что где-то в глубине нашего сознания сидят скрытые допущения, предубеждения и предрассудки, которые определяют наше восприятие реальности, и наше видение фактов, и наше суждение об их важности и сущности. Нужны явные (эксплицитные) или неявные (имплицитные) модели, которые позволили бы нам:

- систематизировать и обобщать реальность;
- понимать причинные связи между явлениями;
- предчувствовать и, если повезет, предсказывать будущие события;
- отделять важное от неважного;
- показывать, каким путем двигаться, чтобы достичь наших целей.

Любая модель или карта является абстракцией и будет более полезной для одних целей, чем для других. Карта дорог показывает нам, как доехать из пункта А в пункт Б на машине, но она вряд ли поможет нам, если мы летим на самолете, – в таком случае понадобится карта с указанными аэродромами, радиомаяками, летными коридорами и топографией. Однако совсем без карты мы заблудимся. Чем более подробна карта, тем более подробно она отражает реальность. Но самая подробная карта далеко не всегда самая подходящая. Если мы хотим добраться из одного большого города в другой по главной автостраде, нам не нужна будет (и мы сочтем ее запутанной) карта, на которой приведено много информации, не относящейся к автомобильному транспорту, а главные шоссе потеряются в паутине второстепенных дорог. С другой стороны, карта, на которой указана только одна автострада, будет ограничивать нас в способности найти альтернативный маршрут в случае крупной авткатастрофы и возникшей после нее «пробки». Короче говоря, нам нужна карта, которая одновременно и отображает, и упрощает реальность таким образом, чтобы это лучше всего подходило нашим целям. К концу холодной войны было разработано несколько карт, или парадигм, мировой политики.

Один мир: эйфория и гармония

Одна широко озвученная парадигма была основана на предпосылке, что конец холодной войны означал конец широкомасштабного конфликта в глобальной политике и возникновение одного относительно гармоничного мира. Наиболее широко обсуждаемая формулировка этой модели – тезис о «конце истории», выдвинутый Фрэнсисом Фукуямой¹. «Видимо, мы становимся свидетелями, – утверждал Фукуяма, – конца истории как таковой: это означает конечную точку идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как конечной формы человеческого правления. Конечно же, кое-где в третьем мире могут иметь место конфликты, но глобальный конфликт позади, и не только в Европе. Именно в неевропейском мире произошли огромные изменения, в первую очередь в Китае и Советском Союзе. Война идей подошла к концу. Поборники марксизма-ленинизма могут по-прежнему встречаться в местах типа Манагуа, Пхеньяна и Кембриджа с Массачусетсом, но победу с триумфом одержала всемирная либеральная демократия. Будущее посвящено не великим битвам за идеи, но, скорее, решению приземленных экономических и технических проблем. И все это будет достаточно скучно» [6].

Это настроение эйфории было широко распространено. Политики и выдающиеся представители интеллигенции развивали подобные взгляды. Берлинская стена была разрушена, коммунистические режимы рухнули, роль ООН становилась более значимой, и бывшие соперники времен холодной войны стали вовлекаться в «партнерство» и «великую сделку», актуальными стали миролюбие и миротворчество. Президент ведущей державы мира заявил о «новом мировом порядке»; президент ведущего, пожалуй, университета в мире наложил вето на назначение профессора по курсу обеспечения безопасности, потому что нужда в этом отпала: «Аллилуйя! Мы больше не проходим войну, потому что войны больше нет».

Момент эйфории по окончании холодной войны породил иллюзию гармонии, и вскоре оказалось, что это была именно иллюзия. Мир стал другим по сравнению с началом 1990-х годов, но не обязательно более мирным. Изменения были неизбежными; прогресс – нет. Подобные иллюзии гармонии ненадолго расцветали в конце каждого крупного конфликта в двадцатом веке. Первая мировая война была «войной, которая положит конец войнам» и установит демократию в мире. Вторая мировая война должна была, как выразился Франклин Рузвельт, «покончить с системой односторонних действий, взаимоисключающих альянсов и других средств для достижения цели, которые применялись в течение столетий – и никогда не давали результатов». Вместо этого нам нужно создать «всеобщую организацию миролюбивых наций» и заложить базу «долговременной структуры мира» [7]. Первая мировая война, однако, породила коммунизм, фашизм и повернула вспять движение к демократии, унаследованное от предыдущего столетия. Вторая мировая война породила холодную войну, ставшую по-настоящему глобальной.

Иллюзия гармонии в связи с окончанием холодной войны быстро развеялась – этому способствовали многочисленные этнические конфликты и «этнические чистки», нарушения закона и порядка, возникновение новых оснований для альянсов и конфликтов между государствами, возрождение некоммунистических и нефашистских движений, интенсификация религиозного фундаментализма, окончание «дипломатии улыбок» и «политики “да”» в отношениях России с Западом, неспособность ООН и США подавить кровавые локальные конфликты и все возрастающая уверенность в себе Китая. В течение пяти лет после падения Берлинской стены слово «геноцид» слышалось гораздо чаще, чем за любые пять лет холодной

---

¹ Параллельная линия этого вопроса, которая концентрирует внимание не на окончании холодной войны, а на социальных тенденциях, приводящих к «универсальной цивилизации», рассматривается в главе 3.

войны. Парадигма гармоничного мира слишком оторвана от реальности, чтобы помогать ориентироваться в мире после холодной войны.

Два мира: мы и они

Ожидания возникновения единого мира возникают в конце крупных конфликтов, в то время как тенденция мыслить в рамках двух миров постоянно встречается в истории человечества. Люди всегда подвергались соблазну поделить мир на «своих» и «чужих», нашу цивилизацию и варваров. Ученые анализируют мир, оперируя парами Восток – Запад, Север – Юг, центр – периферия. У мусульман традиционно существует деление на *дар ал-ислам* и *дар ал-гарб*, обитель мира и обитель войны. Это разграничение было отражено и в каком-то смысле перевернуто после холодной войны американскими учеными, которые поделили мир на «зоны мира» и «зоны нестабильности». Первые включают в себя Запад и Японию – около 15 % мирового населения, последние – все остальное [8].

В зависимости от того, какое определение дается этим частям, состоящая из двух частей картина мира может в какой-то мере соответствовать реальности. Наиболее общее деление, которое проявляется под множеством названий, – противопоставление богатых (современных, развитых) стран бедным (традиционным, неразвитым или развивающимся). Историческим соответствием этому экономическому делению стало культурное разграничение на Восток и Запад, где акцент делается в меньшей степени на различия в экономическом благосостоянии и в большей – на различия в основополагающей философии, ценностях и укладе жизни [9]. Это обобщение хотя и отражает в некоторой степени реальность, но явно страдает излишней ограниченностью. Богатые современные государства имеют особенности, которые отличают их от бедных патриархальных стран, а у последних тоже есть свои особенности. Различия в благосостоянии могут приводить к конфликтам между обществами, но, как показывают факты, это происходит в основном тогда, когда богатые и более могущественные пытаются завоевать или колонизировать бедные и более патриархальные страны. Запад делал это на протяжении четырех столетий, затем некоторые колонии восстали и начали освободительные войны против колониальных держав, которые к тому моменту в значительной степени утратили стремление к сохранению империи. В сегодняшнем мире произошла деколонизация и на смену колониальным освободительным войнам пришли конфликты между освобожденными народами.

На более высоком уровне конфликты между бедными и богатыми маловероятны, потому что, за исключением особых обстоятельств, бедным странам не хватает политического единства, экономического потенциала и военной мощи для того, чтобы бросать вызов богатым государствам. Экономическое развитие Азии и Латинской Америки делает неясной простую дихотомию «имею – не имею». Богатые страны могут вести торговые войны друг с другом; бедные страны могут вести кровопролитные войны друг с другом; но международная классовая война между бедным Югом и процветающим Западом настолько же далека от реальности, как и гармоничный мир.

Разделение мира на две части по культурному признаку еще менее полезно. В какой-то степени Запад является единым. Но что объединяет не-западные социумы, кроме того факта, что они не-западные? Японская, китайская, индуистская, мусульманская и африканская цивилизации имеют мало общего в религии, социальной структуре, общественном устройстве и преобладающих ценностях. Единство не-Запада и дихотомия «Восток – Запад» – мифы, созданные Западом. Эти мифы страдают недочетами ориентализма, которые Эдвард Сэд справедливо критиковал за провозглашение «разницы между знакомым (Европой, Западом, «нами») и чужим (Востоком, «ими») и утверждение врожденного превосходства первого над последним» [10]. Во время холодной войны мир был в значительной степени поляризован в политическом отношении. Но культурного единства не существует. Существование всего двух

полюсов культуры, Востока и Запада, также предполагает принятие широко распространенного и ошибочного отождествления западной и европейской цивилизаций. Вместо выражения «Восток и Запад» более уместно употреблять «Запад и остальные», что, по крайней мере, подразумевает существование многих не-Западов. Мир слишком сложен, чтобы его можно было в большинстве случаев просто разделять в экономическом плане на Север и Юг и в культурном – на Восток и Запад.

Почти 184 страны

Третья карта мира после холодной войны была порождена теорией международных отношений, которую часто называют «реальной политикой». Согласно этой теории, государства являются основными, даже единственными важными игроками на международной сцене, взаимоотношения между странами – полная анархия, поэтому, для того чтобы обеспечить выживание и безопасность, все без исключения государства пытаются усилить свою власть. Если одно государство видит, как соседняя страна наращивает свою мощь и становится таким образом потенциальной угрозой, оно пытается защитить свою безопасность, наращивая силы и/или вступая в альянс с другими государствами. Интересы и действия почти 184 стран мира в период после холодной войны можно предугадать, исходя только из этих предпосылок [11]. Эта «реалистичная» картина мира является чрезвычайно полезной отправной точкой для анализа международных дел и объяснения поведения большинства правительств. Страны есть и останутся доминирующими фигурами мировых событий. Они содержат вооруженные силы, ведут дипломатические переговоры, заключают соглашения, ведут войны, участвуют в международных организациях, оказывают влияние на производство и торговлю и во многом формируют их. Правительства государств отдают наивысший приоритет обеспечению внешней безопасности своих стран (хотя зачастую они отдают наивысший приоритет обеспечению своей безопасности от внутренней угрозы). В целом эта парадигма носит статистический характер и представляет нам ориентиры в более реалистичной картине глобальной политики, чем одно- или двухполюсные концептуальные схемы.

Но и она, однако, страдает некоторыми ограничениями.

Она предполагает, что все государства отстаивают свои интересы и действуют одинаково. Подобная простая предпосылка о том, что сила – это все, дает нам отправную точку для понимания позиций отдельных стран, но она не продвигает нас дальше. В определении государственной политики и защиты интересов принимается во внимание не только соотношение сил, но и многое другое. Конечно же, государства часто пытаются удерживать равновесие силой против силы, но если бы они делали только это, западноевропейские страны вошли бы в коалицию с Советским Союзом против Соединенных Штатов в конце 1940-х годов. Реакция следует в первую очередь на осязаемую угрозу, а западноевропейские страны в то время видели, что политическая, идеологическая и военная угрозы исходят с Востока. Они рассматривали свои интересы так, как не предсказывала классическая реальная политика. Система ценностей, культура и законы оказывают всеобъемлющее влияние на то, как государства определяют свои интересы. Интересы стран обуславливаются не только их «домашними» системами ценностей и законами, но и международными нормами и законами. Помимо своих первоочередных забот по обеспечению безопасности, различные государства определяют приоритеты своих интересов по-разному. Страны со сходными культурами и общественными институтами будут иметь сходные интересы. Демократические государства имеют много общего с другими демократическими странами, поэтому они не сражаются друг с другом. Канаде вовсе не нужно заключать союз с другой страной, чтобы предотвратить вторжение США.

Выводы, сделанные на основе допущений статистической теории «реальной политики», не раз подтверждались историей. Но эта многоцентровая модель не поможет нам понять,

насколько глобальная политика после холодной войны будет отличаться от глобальной политики во время и до холодной войны. И все же очевидно, что отличия существуют и страны по-разному преследуют свои интересы в различные исторические периоды. В мире после холодной войны государства все больше определяют свои интересы с учетом цивилизаций. Они сотрудничают и заключают союзы с государствами, имеющими схожую или общую культуру, а конфликтуют намного чаще со странами с другой культурой. Страны определяют угрозу в зависимости от намерений других государств, и эти намерения – а также способы их реализации – в сильнейшей степени обуславливаются культурными соображениями. Общественные и политические деятели в меньшей мере склонны видеть угрозу в людях, которых, как им кажется, они понимают. Они склонны доверять им из-за родства языка, религии, системы ценностей, законов и культуры. И те же политики куда более предрасположены видеть угрозу в странах с чуждой культурой, и, таким образом, они не доверяют им и не понимают их. Сегодня, когда марксистско-ленинский Советский Союз уже не угрожает свободному миру, а Соединенные Штаты больше не представляют ответной угрозы для коммунистического мира, государства все чаще видят угрозу в обществах с другой культурой.

Но и оставаясь ключевыми игроками на поле международной политики, отдельные страны все же утрачивают суверенитет, государственные функции и власть. Сейчас международные институты отстаивают право судить о том, что государства могут делать на своей территории, и ограничивать их в этом. В определенных случаях (наиболее это заметно в Европе) международные институты обрели важные функции, ранее принадлежавшие государству. Были созданы мощные международные бюрократические образования, которые могут влиять напрямую на жизнь отдельных граждан. В мировом масштабе сейчас имеет место тенденция утраты власти центрального аппарата государственного управления из-за передачи оной субгосударственным, региональным, провинциальным и местным политическим образованиям. Во многих странах, включая государства развитого мира, имеются региональные движения, требующие значительной автономии или отделения. Государственные власти в значительной мере утратили возможность контролировать входящий и исходящий финансовый поток и сталкиваются со все большими трудностями в контроле потока идей, технологий, товаров и людей. Короче говоря, государственные границы стали максимально прозрачны. Все эти изменения привели к тому, что многие стали свидетелями постепенного отмирания твердого государства-«бильярдного шара», общепризнанного как норма со времен Вестфальского мира 1648 года [12], и возникновения сложного, разнообразного и многоуровневого международного порядка, который сильно напоминает средневековый.

Сущий хаос

Ослабление государств и появление «обанкротившихся стран» наводит на мысли о всемирной анархии как четвертой модели. Главные идеи этой парадигмы: исчезновение государственной власти; распад государств; усиление межплеменных, этнических и религиозных конфликтов; появление международных криминальных мафиозных структур; рост числа беженцев до десятков миллионов; распространение ядерного и других видов оружия массового поражения; расползание терроризма, повсеместная резня и этнические чистки. Эта картина всемирного хаоса была убедительно описана и отражена в названиях двух нашумевших трудов, опубликованных в 1993 году: «Вне контроля» Збигнева Бжезинского и «Пандемониум» Дэниэла Патрика Мойнигана [13].

Как и статистическая многоцентровая модель, это представление о надвигающемся всеобщем хаосе близко к реальности. Оно достаточно наглядно объясняет многие явления, происходящие в мире, но при этом делает акцент на значительных изменениях в мировой политике. Например, на начало 1993 года по всему миру велось около 48 этнических войн, а на

территории бывшего Советского Союза имели место 164 «территориально-этнических притязания, связанных с границами», из них 30 привели к той или иной форме вооруженных конфликтов [14]. И все же эта парадигма еще в большей степени, чем парадигма государств, страдает от излишней приближенности к реальности. Картина всеобщей и недифференцированной анархии дает нам мало ключей к пониманию мира и не помогает упорядочивать события и оценивать их важность, предвидеть тенденции в этой анархии, находить различия между типами хаоса и их возможными причинами и последствиями, а также разрабатывать руководящие принципы для государственных политиков.

Сравнение миров: реалии, теоретизирование и предсказания

Каждая из рассмотренных четырех парадигм предполагает различные пропорции учета реалий и теоретических построений. У каждой есть свои отличительные черты и ограничения. Вероятно, от недостатков можно избавиться, комбинируя парадигмы и постулируя, что в мире идут одновременные процессы дробления и интеграции [15]. На самом деле сосуществуют обе тенденции, и больше соответствовать действительности будет более сложная модель. Но она заставляет жертвовать теоретическими конструкциями ради большего приближения к реальности, что в конце концов приводит к отрицанию всех парадигм и теорий. Кроме того, объединив две взаимно противоположные тенденции, теория дробления-интеграции не может объяснить, при каких обстоятельствах будет превалировать одна тенденция и при каких – другая. Вопрос состоит в том, что необходимо разработать парадигму, которая будет рассматривать более значимые события и давать лучшее понимание тенденций, чем другие парадигмы, оставаясь на том же уровне абстракции.

Кроме того, эти четыре парадигмы несовместимы друг с другом. Мир не может быть одновременно единым и фундаментально разделенным на Восток и Запад или Север и Юг. Не может и национальное государство быть краеугольным камнем международных отношений, если оно дробится или разрывается разрастающейся гражданской войной. Либо мир един, либо их два, либо это 184 государства, либо это бесконечное количество племен, этнических групп и национальностей.

Рассматривая мир в рамках семи или восьми цивилизаций, мы избегаем множества подобных сложностей. Эта модель не приносит реальность в жертву теоретизированию, как в случае с парадигмами одно- и двухполюсного мира; в то же время она не жертвует абстрагированием в пользу реальности, как статистическая и хаотическая парадигмы. Это обеспечивает довольно простую и ясную систему понимания мира, позволяет определить узловые моменты многочисленных конфликтов и предсказать возможные пути развития будущего, а также дает ориентиры политикам. Эта схема также включает в себя элементы других парадигм и частично построена на их основе и даже позволяет их согласовать. Полицивилизационный подход, например, утверждает, что:

- силы интеграции в мире реальны и именно они порождают противодействие сил культурного утверждения и цивилизационного сознания.
- мир в каком-то смысле делится на два, но принципиальное различие эта парадигма проводит между Западом как доминирующей до сих пор цивилизацией и всеми остальными, которые, однако, имеют между собой мало общего (если имеют что-либо общее вообще). Короче говоря, мир разделен на западную и не-западную совокупности.
- национальные государства есть и останутся наиболее важными игроками на международной сцене, но их интересы, союзы и конфликты между ними в значительной степени определяются культурным и цивилизационным факторами.
- в мире на самом деле царит анархия, он изобилует межплеменными и национальными конфликтами, но конфликты, которые представляют наиболее серьезную угрозу для стабиль-

ности, – это конфликты между государствами или их группами, относящимися к различным цивилизациям.

Полицивилизационная парадигма, таким образом, представляет собой четвертую – упрощенную, но не слишком – схему для понимания того, что происходит в мире в конце двадцатого века. Ни одна парадигма тем не менее не может работать вечно. Модель мировой политики, принятая во времена холодной войны, была полезной и важной на протяжении сорока лет, но в конце 1980-х она устарела, и в какой-то момент полицивилизационную парадигму постигнет та же судьба. Тем не менее на сегодняшний день она предоставляет удобный инструмент для того, чтобы отличить знаковые события от рядовых. Чуть менее половины из сорока восьми этнических конфликтов, имевших место в мире на начало 1993 года, например, велись между силами, принадлежащими разным цивилизациям. Полицивилизационный подход заставил бы Генерального секретаря ООН и госсекретаря США сконцентрировать свои миротворческие усилия на этих конфликтах, имеющих намного больший, чем остальные, потенциал перерастания в крупномасштабные войны.

Различные парадигмы также позволяют сделать прогнозы, точность которых и является ключевой проверкой работоспособности и пригодности теории. Статистический подход, например, позволил Джону Миршеймеру предположить, что «отношения между Россией и Украиной сложились таким образом, что обе страны готовы развязать соперничество по вопросам безопасности. Великие державы, которые имеют одну общую протяженную и незащищенную границу, часто втягиваются в противостояние из-за вопросов безопасности. Россия и Украина могут преодолеть эту динамику и сосуществовать в гармонии, но это будет весьма необычным развитием ситуации» [16]. Полицивилизационный подход, напротив, делает акцент на весьма тесных культурных и исторических связях между Россией и Украиной, а также на совместном проживании русских и украинцев в обеих странах. Этот давно известный ключевой исторический факт Миршеймер полностью игнорирует в полном соответствии с теорией «реальной политики», исходящей из концепции государств как цельных и самоопределяющихся объектов, цивилизационный подход при этом фокусируется на «линии разлома», которая проходит по Украине, деля ее на православную восточную и униатскую западную части. В то время как статистический подход на первый план выдвигает возможность российско-украинской войны, цивилизационный подход снижает ее до минимума и подчеркивает возможность раскола Украины. А учитывая культурный фактор, можно предположить, что при этом разделении будет больше насилия, чем при распаде Чехословакии, но оно будет куда менее кровавым, чем развал Югославии. Эти различные прогнозы, в свою очередь, приводят к различным политическим решениям. Статистический прогноз Миршеймера о возможности войны между Украиной и Россией позволил ему сделать вывод о том, что Украине лучше иметь ядерное оружие. Цивилизационный подход предполагает сотрудничество между Украиной и Россией и побуждает Украину отказаться от ядерного оружия. Кроме того, вполне убедительными выглядят рекомендации оказывать Украине значительную экономическую помощь и предпринимать другие меры для сохранения ее единства и независимости, а также выделять средства на планирование непредвиденных затрат при возможном распаде Украины.

Многие важные события, имевшие место после холодной войны, согласуются с полицивилизационной парадигмой и могли быть предсказаны ею. В число таких событий входит: разрыв между Советским Союзом и Югославией; войны, вспыхнувшие на территории этих стран; подъем религиозного фундаментализма по всему миру; борьба за культурную идентичность, идущая в России, Турции и Мексике; усиление торговых конфликтов между Соединенными Штатами и Японией; сопротивление исламских государств в ответ на давление Запада на Ирак и Ливию; стремление исламских и конфуцианских государств получить ядерное оружие и средства их доставки; пребывание Китая в роли «аутсайдера» среди великих держав; консолида-

ция новых демократических режимов в одних странах и неконсолидация в других; ускорение гонки вооружений в Восточной Азии.

Обоснованность полицивилизационной парадигмы в зарождающемся мире можно подкрепить перечнем наблюдений за развитием международной ситуации в течение шести месяцев 1993 года:

- углубление конфликтов между хорватами, мусульманами и сербами в бывшей Югославии;
- неспособность Запада обеспечить значительную помощь боснийским мусульманам или осудить зверства хорватов так же, как были осуждены зверства сербов;
- нежелание России присоединиться к остальным членам Совета безопасности ООН в вопросах принудительного для сербов заключения мира с хорватским правительством; а также в отношении предложения Ирану и другим мусульманским странам выслать восемнадцатитысячный контингент для защиты боснийских мусульман;
- усиление войны между армянами и азербайджанцами, требования Турции и Ирана к Армении об отказе от территориальных претензий, развертывание турецких и иранских войск вдоль азербайджанской границы и российские предупреждения о том, что действия Ирана приводят к «эскалации конфликта» и «подталкивают его к опасной черте выхода на международный уровень»;
- продолжающаяся борьба российских войск с партизанскими движениями моджахедов;
- конфронтация на конференции по правам человека в Вене между Западом, во главе с госсекретарем США Уорреном Кристофером, осудившим «культурный релятивизм», и коалицией государств, ориентированных на традиции ислама или конфуцианства и отвергших «западный универсализм»;
- одновременное переключение внимания военных аналитиков в России и НАТО на «угрозу с Юга»;
- голосование Олимпийского комитета, наглядно проиллюстрировавшее разделение голосов по цивилизационному признаку при решении вопроса о месте проведения Олимпиады-2000 в пользу Сиднея, а не Пекина;
- продажа Китаем деталей ракет Пакистану и, как следствие, санкции США против Китая и конфронтация между Китаем и Соединенными Штатами из-за якобы имевшей место передачи ядерных технологий Ирану;
- нарушение Китаем моратория на испытания ядерного оружия, несмотря на решительные протесты США; отказ Северной Кореи участвовать в дальнейших переговорах относительно ее ядерной программы;
- разоблачение политики «двойного сдерживания», осуществляемой Государственным департаментом США по отношению к Ираку и Ирану;
- объявление Государственным департаментом США новых стратегических направлений по подготовке к двум «крупным региональным конфликтам», нацеленных против Северной Кореи и против Ирана или Ирака;
- призыв президента Ирана к альянсу с Китаем и Индией с целью отобрать себе и им «последнее слово в международных событиях»;
- новые законы Германии, которые резко сократили прием беженцев;
- соглашение между президентами России Борисом Ельциным и Украины Леонидом Кравчуком о разделе Черноморского флота и по другим вопросам;
- реакция на американские бомбардировки Багдада: фактически единогласная поддержка западных правительств и осуждение бомбардировки почти всеми мусульманскими странами как очередного примера «двойных стандартов» Запада;

- зачисление Соединенными Штатами в список террористических государств Судана и обвинение египетского шейха Омара Абдель Рахмана и его последователей в заговоре «с целью ведения войны городского терроризма против Соединенных Штатов»;
- реальные перспективы возможного вступления Польши, Венгрии, Чехии и Словакии в НАТО;
- парламентские выборы 1993 года, которые продемонстрировали, что Россия и в самом деле «разорванная страна» и ее народы и элита не определились, стоит им присоединиться в Западу или бросить ему вызов.

Такой список событий, который демонстрировал бы пригодность цивилизационной парадигмы, можно составить на основе любого шестимесячного периода начала 1990-х годов.

В первые годы холодной войны канадский государственный деятель Лестер Пирсон сделал пророческое заявление о возрождении и жизнеспособности не-западных обществ. «Было бы ошибочно, – предупреждал он, – полагать, что все эти новые политические общества, зарождающиеся на Востоке, будут копиями тех, к которым мы привыкли на Западе. Возрождаясь, эти древние цивилизации обретут новую форму». Подчеркнув, что «международные отношения на протяжении нескольких столетий были отношениями между странами Европы», он утверждал, что «проблемы, влекущие самые серьезные последствия, возникают уже не в пределах одной цивилизации, но между самими цивилизациями» [17]. Затянувшаяся bipolarность холодной войны отложила события, наступление которых предвидел Пирсон. Окончание холодной войны высвободило культурные и цивилизационные импульсы, которые он предугадал уже в начале 1950-х, и целый ряд ученых и наблюдателей уже приняли и выдвинули на первый план этот новый фактор глобальной политики [18]. «Как известно, любому, кто интересуется современным миром, – мудро предостерегал Фернан Бродель, – и любому, кто желает действовать в нем, весьма полезно уметь видеть на карте мира действующие ныне цивилизации, а также определять их границы, их центры и периферии, области их существования и атмосферу, общие и частные формы их проявления. Иначе можно сделать вопиющую ошибку!» [19].

Глава 2

История и сегодняшний день цивилизаций

Природа цивилизаций

Человеческая история – это история цивилизаций. Невозможно вообразить себе развитие человечества в отрыве от цивилизаций. История охватывает целые поколения цивилизаций – от древних (шумерской и египетской, классической и мезоамериканской) до христианской и исламской цивилизаций, а также проявления синской и индуистской цивилизаций. В течение всей истории цивилизации предоставляли для людей наивысший уровень идентичности. В результате этого истоки, возникновение, подъем, взаимодействие, достижения, закат и падение цивилизаций обстоятельно изучались выдающимися историками, социологами и антропологами, среди которых были: Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Освальд Шпенглер, Питирим Сорокин, Арнольд Тойнби, Альфред Вебер, А. Л. Кребер, Филипп Бэгби, Кэрролл Куигли, Раштон Колборн, Кристофер Даусон, С. Н. Айзенштадт, Фернан Бродель, Уильям Г. Макнил, Адда Боземен, Иммануил Валлерстайн и Фелипе Фернан-дез-Арместо [1]. Из-под пера этих и других исследователей вышли увесистые научные труды, посвященные сравнительному анализу цивилизаций. Эта литература крайне различна по подходу, методологии, акцентам и концепциям. Но тем не менее все сходятся в основных понятиях, затрагивающих природу, отличительные черты и движущие силы цивилизаций.

Во-первых, существует различие в восприятии понятия «цивилизация» как единственная таковая и понятия «цивилизация» как одна из многих. Идея цивилизации была разработана французскими философами восемнадцатого века как противопоставление концепции «варварства». Цивилизованное общество отличается от примитивного тем, что оно оседлое, городское и грамотное. Быть цивилизованным хорошо, а нецивилизованным – плохо. Концепция цивилизации установила стандарты, по которым судят об обществах, и в течение девятнадцатого столетия европейцы потратили немало интеллектуальных, дипломатических и политических усилий для того, чтобы разработать критерии, по которым о неевропейских обществах можно было судить как о достаточно «цивилизованных», чтобы принять их в качестве членов международной системы, в которой доминировала Европа. Но в то же самое время люди все чаще говорили о цивилизациях во множественном числе. Это означало «отказ от определения цивилизации как одного из идеалов или единственного идеала» и отход от предпосылки, будто есть единый стандарт того, что можно считать цивилизованным, то есть «ограниченным, – по словам Броделя, – несколькими привилегированными народами или группами, “элитой” человечества». Вместо этого появлялось много цивилизаций, каждая из которых была цивилизована по-своему. Короче говоря, понятие «цивилизация» «утратило свойства ярлыка» и одна из множества цивилизаций может на самом деле быть довольно нецивилизованной в прежнем смысле этого слова [2].

Цивилизации во всем их разнообразии и являются предметом рассмотрения данной книги. И все же различие между прежним и новым пониманием не утратило важности, и старая идея единственной цивилизации вновь проявляется в заявлениях о том, что якобы есть всеобщий цивилизованный мир. Эти доводы нельзя поддержать, но полезно рассмотреть (что и будет сделано в последней главе этой книги), становятся ли цивилизации более цивилизованными.

Во-вторых, во всем мире, кроме Германии, принято понимать цивилизацию как культурную целостность. Немецкие мыслители девятнадцатого века провели четкую грань между понятиями «цивилизация», которое включало в себя технику, технологию и материальные

факторы, и «культура», которое подразумевало ценности, идеалы и высшие интеллектуальные, художественные и моральные качества общества. Это разделение до сих пор принято в Германии, но больше нигде. Некоторые антропологи даже перевернули это взаимоотношение и заговорили о культурах как о характеристиках примитивных, застывших, неурбанизированных обществ, в то время как более сложные, городские и динамичные общества – это цивилизации. Эти попытки провести разграничение между культурой и цивилизацией, однако, не были подхвачены, и вне Германии бытует единодушное согласие насчет того, что «было бы заблуждением на немецкий манер пытаться отделить *культуру* от ее основы – *цивилизации*» [3].

И цивилизация, и культура относятся к образу жизни народа, и цивилизация – это явно выраженная культура. Оба этих понятия включают в себя «ценности, нормы, менталитет и законы, которым многочисленные поколения в данной культуре придавали первостепенное значение» [4]. По Броделю, цивилизация – это «район, культурное пространство, собрание культурных характеристик и феноменов». Валлерстайн определяет ее как «уникальную комбинацию традиций, общественных структур и культуры (как материальной, так и «высокой»), которое формирует ту или иную историческую целостность и которая сосуществует (коль скоро их вообще можно отделить друг от друга) с другими подобными феноменами». Даусон считает цивилизацию продуктом «особого оригинального процесса культурного творчества определенного народа», в то время как для Дюркгейма и Мосса – это «своего рода духовная среда, охватывающая некоторое число наций, где каждая национальная культура является лишь частной формой целого». По Шпенглеру, цивилизация – «неизбежная *судьба* культуры... Наиболее внешние и искусственные состояния, которые способны принимать разновидности развитого человечества. Она – завершение, она следует как ставшее за становлением» [5]. Культура – общая тема практически каждого определения цивилизации.

Ключевые культурные элементы, определяющие цивилизацию, были сформулированы еще в античности афинянами, когда те убеждали спартанцев, что они не предадут их персам:

Ибо есть причины, их множество и они сильны, которые запрещают нам делать это, даже если бы у нас были такие намерения. Первое и главное – это статуи и обители богов, сожженные и лежащие в руинах: за это мы должны отмстить, не щадя живота своего, а не входить в сговор с тем, кто совершил такие злые деяния. Во-вторых, у эллинского народа одна кровь и один язык; мы возводим храмы и приносим жертвы одним и тем же богам; и обычаи наши схожи. Посему негоже афинянам предавать все это [6].

Кровь, язык, религия, стиль жизни – вот что было общего у греков и что отличало их от персов и других не-греков. Из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, наиболее важным, однако, является религия, и на это и делали акцент афиняне. Основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира; и люди общей этнической принадлежности и общего языка, но разного вероисповедания могут вести кровопролитные братоубийственные войны, как это случилось в Ливане, бывшей Югославии и в Индостане [7].

Существует корреляция между разделением людей по культурным признакам и их разделением на расы по физическим признакам. И все же нельзя ставить знак равенства между цивилизациями и расами. Люди одной и той же расы могут быть разделены на различные цивилизации; людей различных рас может объединять одна цивилизация. В частности, самые распространённые миссионерские религии, христианство и ислам, охватывают людей многих рас. Коренные различия между группами людей заключаются в их ценностях, верованиях, традициях и социальных институтах, а не в их росте, размере головы и цвете кожи.

В-третьих, цивилизации являются всеобъемлющими, то есть ни одна из их составляющих не может быть понята без соотнесения с соответствующей цивилизацией. Цивилизации,

как заметил Тойнби, «охватывают, не будучи охвачены другими». По словам Мелко, цивилизации «имеют некоторую степень интеграции. Их части определяются отношениями между ними и к ним в целом. Если цивилизация состоит из стран, у этих стран будут более тесные взаимоотношения, чем у государств, не принадлежащих к этой цивилизации. Они могут часто сражаться и будут чаще вести дипломатические переговоры. Они будут иметь большую степень экономической взаимозависимости. Эстетические и философские течения будут в таком случае взаимопроникающими» [8].

Цивилизация является наивысшей культурной целостностью. Деревни, районы, этнические группы, национальности, религиозные группы – у них у всех сформирована культура на различных уровнях гетерогенности. Культура деревни на юге Италии может отличаться от культуры деревни на севере Италии, но они будут разделять общую итальянскую культуру, которая отличает их от немецких деревень. Европейские сообщества, в свою очередь, будут обладать общими культурными чертами, которые отличают их от китайских или индийских сообществ. Китайцы, индусы и жители Запада, однако, не являются частями культурной категории более высокого порядка. Они образуют разные цивилизации. Цивилизация, таким образом, – наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентичности, отличающей человека от других биологических видов. Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей. Есть несколько уровней осознания идентичности: житель Рима может ощущать себя в различной степени римлянином, итальянцем, католиком, христианином, европейцем и жителем Запада. Цивилизация, к которой он принадлежит, является самым высоким уровнем, который помогает ему четко идентифицировать себя. Цивилизации – это самые большие «мы», внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных «них». Цивилизации могут состоять из большого количества людей, как китайская цивилизация, или очень небольшого, как англоязычные жители островов Карибского моря. В течение всей истории существовало множество мелких групп людей, которые обладали индивидуальной культурой, но не имели никакой культурной идентичности более высокого уровня. Принято также делать различия по размеру между главными и периферийными цивилизациями (Бэгби) и по значимости – между главными и запаздывающими или прерванными цивилизациями (Тойнби). Эта книга посвящена тому, что принято считать главными цивилизациями в истории человечества.

У цивилизаций нет четко определенных границ и точного начала и конца. Люди могут идентифицировать себя по-разному и делают это. В результате состав и форма цивилизаций меняются со временем. Культуры народов взаимодействуют и накладываются друг на друга. Степень, с которой культуры цивилизаций разнятся или походят друг на друга, также сильно варьируется. Цивилизации, таким образом, являются многосторонними целостностями, и все же реальны, несмотря на то что границы между ними редко бывают четкими. В-четвертых, цивилизации хотя и смертны, но живут они очень долго; они эволюционируют, адаптируются и являются наиболее стойкими из человеческих ассоциаций, «реальностями чрезвычайной *longue durée*»². Их «уникальная и особенная сущность» заключается в «длительной исторической непрерывности. На самом деле, жизнь цивилизации является самой долгой историей из всех». Империи возвышаются и рушатся, правительства приходят и уходят – цивилизации остаются и «переживают политические, социальные, экономические и даже идеологические потрясения» [9]. «Международная история, – приходит к выводу Боземен, – точно подтверждает тезис о том, что политические системы являются недолговечными средствами для достижения цели на поверхности цивилизации и что судьба каждого сообщества, объединенного лингвистически и духовно, зависит в конечном счете от выживания определенных фунда-

² Продолжительности (*фр.*).

ментальных идей, вокруг которых спланивались многочисленные поколения и которые, таким образом, символизируют преемственность общества» [10]. Практически все основные цивилизации, существующие в мире в двадцатом веке, возникли по крайней мере тысячу лет назад или, как в случае с Латинской Америкой, являются непосредственными «отпрысками» другой, давно живущей цивилизации.

Пока цивилизации противостоят натиску времени, они эволюционируют. Они динамичны; они знают взлеты и падения, они сливаются и делятся; и как известно любому студенту, они также исчезают и их хоронят пески времени. Фазы их эволюции можно описать по-разному. Куигли видит семь стадий, сквозь которые проходят цивилизации: смешение, созревание, экспансия, период конфликтов, всеобщая империя, упадок и завоевание. Другую общую модель изменений выводит Мелко: от сложившейся феодальной системы – через феодальную систему переходного периода – к сформировавшейся государственной системе – через государственную систему переходного периода – к сформировавшейся имперской системе. Тойнби считает, что цивилизация возникает в ответ на брошенные ей вызовы и затем проходит сквозь период роста, включающий усиление контроля над средой, чем занимается творческая элита, далее следует время беспорядков, возникновение всеобщего государства, а затем – распад. Несмотря на то что между этими теориями есть различия, все они сходятся в том, что цивилизация в своей эволюции проходит времена беспорядков или конфликтов, затем создания единого государства и наконец упадка или распада [11].

В-пятых, поскольку цивилизации являются культурными единствами, а не политическими, они сами не занимаются поддержанием порядка, восстановлением справедливости, сбором налогов, ведением войн, заключением союзов и не делают ничего из того, чем заняты правительства. Политическое устройство отличается у различных цивилизаций, а также в разное время в пределах какой-либо из них. Цивилизация, таким образом, может содержать одно или более политических образований. Эти образования могут быть городами-государствами, империями, федерациями, конфедерациями, национальными государствами, многонациональными государствами, и у всех них могут быть различные формы правления. По мере того как цивилизация эволюционирует, число и природа составляющих ее образований обычно меняются. В некоторых случаях цивилизация и политическая целостность могут совпадать. Как отметил Люциан Пай, Китай – это «цивилизация, претендующая на то, чтобы быть государством» [12]. Япония – это цивилизация, являющаяся государством. Однако в большинство цивилизаций входит более одного государства или других политических единиц. В современном мире большинство цивилизаций включают в себя по два или более государств.

И наконец, исследователи обычно согласны в определении идентичности важнейших цивилизаций в человеческой истории и тех, что существуют в современном мире. Их мнения тем не менее часто расходятся в том, что касается общего числа существовавших в истории цивилизаций. Куигли отсчитывала шестнадцать явных исторических случаев и еще восемь очень вероятных. Тойнби сначала назвал число двадцать два, затем – двадцать три; Шпенглер выделил восемь основных культур. Макнил называл во всей истории девять цивилизаций; Бэбби тоже видел девять важнейших цивилизаций или двенадцать, если из китайской и западной выделить японскую и православную. Бродель называл девять, а Ростовани – семь важнейших современных цивилизаций [13]. Эти различия отчасти зависят от того, считать ли такие культурные группы, как китайцы и индусы, единой исторической цивилизацией или же двумя близкими друг другу цивилизациями, одна из которых отпочковалась от другой. Несмотря на эти различия, различия в идентичности цивилизаций не оспариваются. Сделав обзор литературы, Мелко приходит к заключению, что существует «разумное согласие» относительно двенадцати важнейших цивилизаций, из которых семь уже исчезли (месопотамская, египетская, критская, классическая, византийская, центрально-американская, андская), а пять продолжают существовать (китайская, японская, индуистская, исламская и западная) [14]. К

этим пяти цивилизациям целесообразно добавить православную, латиноамериканскую и, возможно, африканскую цивилизации.

Синская цивилизация

Все ученые признают существование либо одной отдельной китайской цивилизации, которая возникла по крайней мере в 1500 году до н. э. (возможно, даже на тысячу лет раньше), или двух китайских цивилизаций, одна из которых сменила другую в первые столетия христианской эпохи. В своей статье в журнале «Foreign Affairs» я назвал эту цивилизацию конфуцианской. Более точным термином, однако, будет «синская цивилизация». Несмотря на то что конфуцианство является основной составляющей китайской цивилизации, китайская цивилизация – нечто большее, чем учение Конфуция, и не ограничивается также Китаем как политической целостностью. Термин «синский», который употребляли многие ученые, подходяще описывает общую культуру Китая и китайских сообществ в Юго-Восточной Азии и везде вне Китая, а также родственные культуры Вьетнама и Кореи.

Японская цивилизация

Некоторые ученые объединяют японскую и китайскую культуры под единой вывеской дальневосточной цивилизации. Большинство ученых, однако, не делают этого, выделяя Японию в отдельную цивилизацию, которая отпочковалась от китайской цивилизации в период между 100 и 400 годами н. э.

Индуистская цивилизация

В Индостане, по общему признанию, существовала с 1500 года до н. э. как минимум одна из ряда сменяющих друг друга цивилизаций. Все цивилизации этого ряда именуется индийскими, индусскими или индуистскими, причем последний термин предпочтительнее в отношении самой современной цивилизации. В той или иной форме индуизм пребывал в центре формирования культуры Индостана со второго тысячелетия нашей эры: «...это более чем религия или социальная система; это сама суть индийской цивилизации» [15]. Индуизм сохранил эту роль до наших дней, несмотря на то что в самой Индии имеется значительная мусульманская община, а также несколько менее многочисленных культурных меньшинств. Как и в случае синской цивилизации, определение «индуистская» отражает различие между названием цивилизации и названием стержневого государства, что крайне желательно в случаях, подобных тому когда цивилизация не ограничивается пределами одной страны.

Исламская цивилизация

Все ведущие ученые признают существование отдельной исламской цивилизации. Возникший на Аравийском полуострове в VII веке н. э., ислам стремительно распространился на Северную Африку и Пиренейский полуостров, а также на восток, в Среднюю Азию, Индостан и Юго-Восточную Азию. В результате этого внутри ислама существует множество отдельных культур и субцивилизаций, включая арабскую, тюркскую, персидскую и малайскую.

Православная цивилизация

Некоторые ученые выделяют отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианства по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе.

Западная цивилизация

Зарождение западной цивилизации обычно относят к 700–800 годам н. э. Ученые обычно подразделяют ее на три основных составляющих: Европа, Северная Америка и Латинская Америка.

Латиноамериканская цивилизация

Латинская Америка, однако, имеет одну характерную особенность, которая отличает ее от Запада. Хотя Латинская Америка и является отпрыском европейской цивилизации, ее путь исторического развития в корне отличается от европейского и североамериканского. Присущая ей клановая и авторитарная культура, для Европы значительно менее характерна, а для Северной Америки не характерна вовсе. И Европа, и Северная Америка почувствовали на себе влияние Реформации и объединили в себе католическую и протестантскую культуры. Латинская Америка исторически была только католической, хотя сейчас ситуация может меняться. Латиноамериканская цивилизация ассимилировала местные культуры, которые не существовали в Европе и были полностью уничтожены в Северной Америке. При этом их влияние на формирование культуры страны меняется от Мексики, Центральной Америки, Перу и Боливии, с одной стороны, до Аргентины и Чили – с другой. Политическая эволюция и экономическое развитие Латинской Америки резко отличаются от моделей, преобладающих в североамериканских странах. Сами жители Латинской Америки отличаются по субъективной самоидентификации. Некоторые говорят: «Да, мы – часть Запада». Другие заявляют: «Нет, у нас своя уникальная культура», а великие писатели Латинской и Северной Америки тщательно описывают свою культурную самобытность [16]. Латинскую Америку можно рассматривать либо как субцивилизацию внутри западной цивилизации, либо как отдельную цивилизацию, близко связанную с Западом и не определившуюся во мнении, принадлежит ли она к Западу или нет. Для анализа, который фокусирует внимание на международных политических аспектах цивилизаций, включая взаимоотношения между Латинской Америкой, с одной стороны, и Северной Америкой и Европой – с другой, последняя точка зрения более приемлема.

Таким образом, Запад включает в себя Европу, Северную Америку, а также страны, населенные выходцами из Европы, то есть Австралию и Новую Зеландию. Взаимоотношения между двумя основными составляющими Запада, однако, менялись со временем. В течение длительного периода своей истории американцы определяли себя как общество, противостоящее Европе. Америка была страной свободы, равенства возможностей, будущего; Европа олицетворяла угнетение, классовый конфликт, иерархию, отсталость. Заявлялось даже, что Америка – отдельная цивилизация. Это противопоставление Америки и Европы было в значительной мере следствием того, что, по крайней мере до конца девятнадцатого столетия, контакты Америки с не-западными цивилизациями были ограничены. Однако как только Соединенные Штаты вышли на мировую арену, у них появилось стремление к большему отождествлению своей идентичности с европейской [17]. Если Америка девятнадцатого века ощущала себя отличной от Европы и противостоящей ей, то Америка двадцатого столетия определяет себя как часть и, несомненно, как лидера более общей идентичности – всего Запада, который включает в себя Европу.

Сейчас термин «Запад» повсеместно используется для обозначения того, что раньше именовалось западным христианством. Таким образом, Запад является единственной цивилизацией, которая определяет себя при помощи направления компаса, а не по названию какого-либо народа, религии или географического региона³.

---

³ Использование терминов «Восток» и «Запад» для обозначения географических районов является сбивающим с толку

Такое самоопределение вырывает эту цивилизацию из ее исторического, географического и культурного контекста. Исторически западная цивилизация является европейской цивилизацией. В современную эру западная цивилизация стала евроамериканской, или североамериканской, цивилизацией. Европу, Америку и Северную Атлантику можно найти на карте, а Запад – нельзя. Название «Запад» также дало повод для возникновения концепции «вестернизации» и способствовало обманчивому объединению понятий «вестернизация» и «модернизация»: легче представить себе «вестернизацию» Японии, чем ее «евроамериканизацию». Европейско-американская цивилизация, однако, повсеместно называется западной цивилизацией, и этот термин, несмотря на его серьезное несоответствие, будет использоваться и в этой книге.

Африканская (возможно) цивилизация

Большинство ведущих ученых, изучающих цивилизации, кроме Броделя, не признают отдельной африканской цивилизации. Север Африканского континента и его восточное побережье относятся к исламской цивилизации. Эфиопия исторически сама по себе составляла цивилизацию. Во все другие страны европейский империализм и поселенцы привнесли элементы западной цивилизации. В Южной Африке поселенцы из Голландии, Франции, затем из Англии насадили мозаичную европейскую культуру [18]. Что самое главное, европейский империализм принес христианство на большую часть континента к югу от Сахары. По всей Африке еще сильно самоопределение в соответствии с племенной идентичностью, но среди африканцев быстро возрастает чувство африканской идентичности, и, по-видимому, Африка «ниже» Сахары (субсахарская) может стать отдельной цивилизацией, вероятно, с ЮАР в роли стержневого государства.

Религия является центральной, определяющей характеристикой цивилизаций, и, как сказал Кристофер Даусон «великие религии – это основания, на которых покоятся великие цивилизации» [19]. Из пяти «мировых религий» Вебера, четыре – христианство, ислам, индуизм и конфуцианство – связаны с основными цивилизациями. Пятая, буддизм – нет. Почему так случилось? Как ислам и христианство, буддизм рано разделился на два течения и, как христианство, не выжил на земле, где зародился. Начиная с первого столетия нашей эры одно из направлений буддизма – махаяна – было экспортировано в Китай, затем в Корею, Вьетнам и Японию. В этих обществах буддизм был в различной степени адаптирован, ассимилирован местными культурами (в Китае, например, в форму конфуцианства и даосизма) или запрещен.

Таким образом, в то время как буддизм остается важной составляющей культуры в этих обществах, они не являются частью буддийской цивилизации и не идентифицируют себя подобным образом. Однако в Шри-Ланке, Бирме, Таиланде, Лаосе и Камбодже существует то, что можно по праву назвать буддийской цивилизацией теравады. Кроме того, население Тибета, Монголии и Бутана исторически приняло ламаистский вариант махаяны, и эти общества образуют второй район буддистской цивилизации. Однако наиболее важен тот факт, что существует явное отличие буддизма, принятого в Индии, от его адаптации в существующую культуру в Китае и Японии. Это означает, что буддизм, являясь одной из главных религий, не стал базой ни для одной из основных цивилизаций⁴ [20].

и этноцентрическим. «Север» и «Юг» имеют повсеместно принятые исходные точки – на полюсах. У понятий «Восток» и «Запад» такие базисные точки отсутствуют. Вопрос заключается в следующем: восток и запад *чего*? Все зависит от того, где вы стоите. По-видимому, «Запад» и «Восток» изначально относились к западной и восточной частям Евразии. С точки зрения американца, однако, Дальний Восток следует называть Дальним Западом. Большую часть китайской истории Запад означал Индию, в то время как «в Японии “Запад” обычно обозначает Китай» (William E. Naff. «Reflections on the Question of ‘East and West’ from the Point of View of Japan». *Comparative Civilizations Review*. 1986).

⁴ Но что можно сказать насчет иудейской цивилизации? Большинство исследователей цивилизаций едва упоминают о ней. Если судить по количеству людей, то иудаизм – это явно не основная цивилизация. Тойнби описывает ее как остановившуюся

Взаимоотношения между цивилизациями

Случайные встречи. цивилизации до 1500 года до н. э.

Взаимоотношения между цивилизациями уже эволюционировали сквозь две фазы и сейчас находятся на третьей. На протяжении более чем трех тысяч лет после того, как впервые появились цивилизации, контакты между ними, за некоторыми исключениями, либо не существовали вовсе и были ограничены, либо были периодическими и интенсивными. Природа этих контактов хорошо выражена термином, который используется историками для их описания: «случайные встречи» [21]. Цивилизации были разделены временем и пространством. Одновременно существовало лишь небольшое их количество, и, как утверждают Бенджамин Шварц и Шмуэль Айзенштадт, есть существенные различия между аксиальными и доаксиальными цивилизациями в плане того, могли ли они познать разницу между «трансцендентным и мирским». Среди цивилизаций аксиальных, в отличие от предшествующих им, мифы распространял отдельный интеллектуальный слой «еврейские пророки и проповедники, греческие философы и софисты, китайские поэты, индуистские брамины, буддийские сангха и исламские улемы» [22]. Некоторые религии пережили два или три поколения родственных цивилизаций, когда умирала одна цивилизация, затем следовало «междоцарствие» и рождение другого поколения-наследника. На рис. 2.1 показана упрощенная схема (взятая у Кэрролл Куигли) того, как менялись взаимоотношения основных евразийских цивилизаций в разное время.

Цивилизации также были разделены географически. До 1500 года андская и мезоамериканская цивилизации не имели контактов с другими цивилизациями и друг с другом. Ранние цивилизации в долинах Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Желтой реки (Хуанхэ) также не взаимодействовали друг с другом. Со временем контакты между цивилизациями стали множиться в Восточном Средиземноморье, Юго-Западной Азии и Северной Индии. Однако связь и коммерческие взаимоотношения затруднялись расстояниями, которые разделяли цивилизации, и ограниченным количеством транспортных средств, способных преодолеть эти расстояния. В то время как в Средиземном море и Индийском океане еще велась какая-то торговля, «пересекающие степь лошади, караваны и речной флот были единственным средством передвижения, с помощью которого цивилизации в мире, каким он был до 1500 года н. э., были связаны вместе – в той небольшой мере, в которой они поддерживали контакты друг с другом» [23].

Идеи и технологии передавались из одной цивилизации в другую, но зачастую для этого требовались столетия. Пожалуй, наиболее значимой культурной диффузией, не являвшейся результатом завоевания, было распространение буддизма в Китае, что произошло через шесть веков после его возникновения в Северной Индии. Книгопечатание было изобретено в Китае в восьмом веке нашей эры, печатные машины с подвижными литерами – в одиннадцатом, но эта технология достигла Европы только в пятнадцатом веке. Бумага появилась в Китае во втором веке нашей эры, пришла в Японию в седьмом столетии, затем распространилась на запад, в Центральную Азию, в восьмом, достигла Северной Африки в десятом, Испании – в двенадцатом, а Северной Европы – в тринадцатом. Порох, открытый китайцами еще в девятом веке,

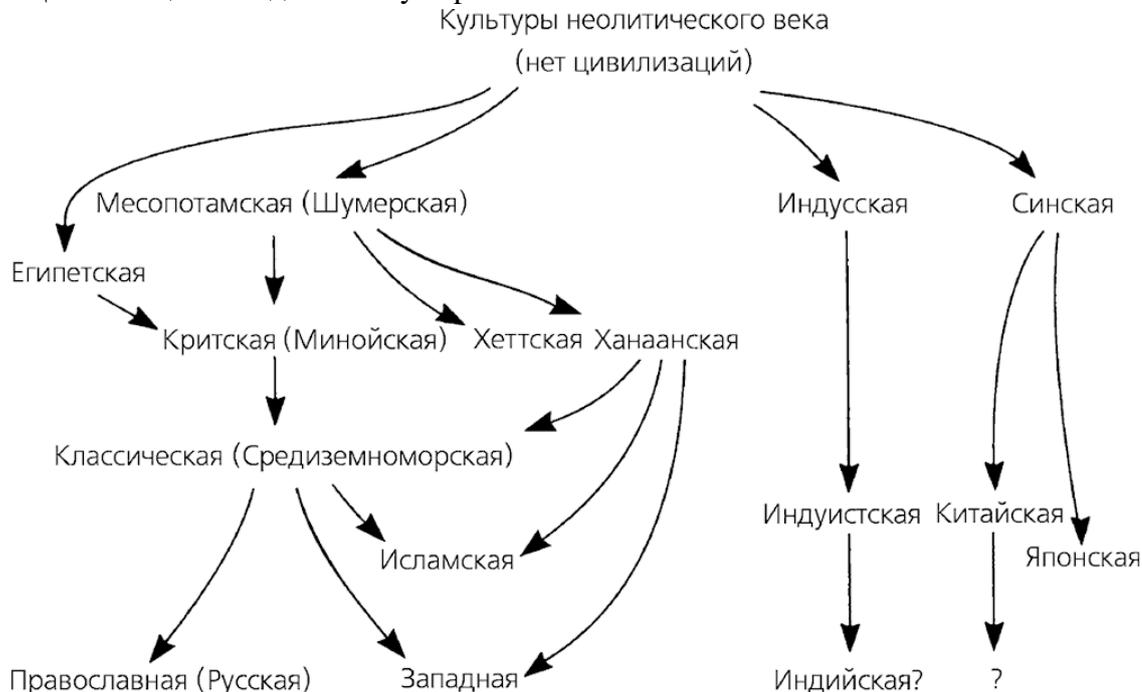

цивилизацию, которая эволюционировала из раннесирийской. Исторически она связана и с христианством, и с исламом. На протяжении нескольких веков евреи сохраняли свою культурную идентичность, живя в западной, православной и исламской цивилизациях. С созданием Израиля евреи получили все объективные атрибуты цивилизации: религию, язык, обычаи, общественные институты, политический и территориальный «дом». Но как насчет субъективного осознания идентичности? Евреи, живущие в иных культурах, по-разному соотносили себя со средой, начиная от абсолютной идентификации себя с иудаизмом и Израилем до номинального иудаизма и полной идентичности с той цивилизацией, внутри которой они пребывают. Последнее, однако, имело место главным образом среди евреев, живущих на Западе. См.: Mordecai M. Kaplan. *Judaism as a Civilization*. 1981.

стал известен арабам лишь несколько сот лет спустя, в Европе о нем узнали только в четырнадцатом веке [24].

Рис. 2.1

Цивилизации западного полушария

Источник: Кэрролл Куигли. *The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis*. 1979.

Наиболее драматические и значительные контакты между цивилизациями имели место, когда люди из одной цивилизации покоряли, уничтожали или поработщали народы другой. Как правило, эти контакты были кровопролитными, но короткими и носили эпизодический характер. Начиная с седьмого века нашей эры стали возникать относительно длительные и временами сильные межцивилизационные контакты между миром ислама и Западом, а также исламом и Индией. В основном коммерческие, культурные и военные взаимоотношения развивались внутри цивилизаций. И если Индия и Китай, например, иногда подвергались набегам и завоевывались другими народами (моголы, монголы), но тем не менее эти цивилизации знали продолжительные периоды войн в пределах своей цивилизации. То же справедливо и в отношении эллинов – они торговали и воевали друг с другом куда чаще, чем с персами и другими не-греками.

Коллизия: подъем запада

Европейское христианство стало возникать как отдельная цивилизация в VIII–IX столетий. На протяжении нескольких веков, однако, она по своему уровню развития плелась позади многих других цивилизаций. Китай при династиях Тан, Сун и Мин, исламский мир с восьмого по двенадцатый век и Византия с восьмого века по одиннадцатый далеко опережали Европу по накопленному богатству, размерам территории и военной мощи, а также художественным, литературным и научным достижениям [25]. Однако между одиннадцатым и тринадцатым столетиями европейская культура начала бурно развиваться, чему способствовало «горячее стремление и систематическое усвоение подходящих достижений более развитых цивилизаций – ислама и Византии, а также адаптация этого наследия в особые условия и интересы Запада».

В тот же самый период были обращены в западное христианство Венгрия, Польша, Скандинавия и Балтийское побережье, также распространились римское право и другие составляющие западной цивилизации, и восточная граница западной цивилизации стабилизировалась там, где ей суждено было остаться без значительных изменений еще надолго. В течение двенадцатого и тринадцатого веков жители Запада боролись за расширение своей зоны влияния на Испанию и добились устойчивого господства над Средиземноморьем. Тем не менее впоследствии подъем турецкого могущества привел к падению «первой морской империи Западной Европы» [26]. И все же к 1500 году возрождение европейской культуры уже шло полным ходом, а социальный плюрализм, расширяющаяся торговля и технологические достижения заложили основу для новой эры глобальной политики.

Случайные, непродолжительные и разноплановые контакты между цивилизациями уступили место непрерывному, всепоглощающему однонаправленному воздействию Запада на все остальные цивилизации. Конец пятнадцатого века ознаменовался окончанием Реконквисты на Пиренейском полуострове – изгнанием оттуда мавров, а также проникновением португальцев в Азию, а испанцев – в обе Америки. Во время последующих двухсот пятидесяти лет все Западное полушарие и значительные территории в Азии находились под управлением или господством европейцев. К концу восемнадцатого столетия мы видим сокращение прямого европейского контроля – сначала Соединенные Штаты, потом Гаити, а затем и большая часть Латинской Америки восстают против европейского владычества и добиваются независимости.

Однако в последние годы девятнадцатого века обновленный западный империализм распространил влияние Запада почти на всю Африку, усилил контроль над Индостаном и по всей Азии, и к началу двадцатого века практически весь Ближний Восток, кроме Турции, оказался под прямым или косвенным контролем Европы. Европейцы или бывшие европейские колонии (в обеих Америках) контролировали 35 % поверхности суши в 1800 году, 67 % в 1878 году, 84 % к 1914 году. К 1920 году, после раздела Османской империи между Британией, Францией и Италией, этот процент стал еще выше. В 1800 году Британская империя имела площадь 1,5 миллиона квадратных миль с населением в 20 миллионов человек. К 1900 году викторианская империя, над которой никогда не садилось солнце, простиралась на 11 миллионов квадратных миль и насчитывала 390 миллионов человек [27]. Во время европейской экспансии андская и мезоамериканская цивилизации были полностью уничтожены, индийская, исламская и африканская цивилизации покорены, а Китай, куда проникло европейское влияние, оказался в зависимости от него. Лишь русская, японская и эфиопская цивилизации смогли противостоять бешеной атаке Запада и поддерживать самостоятельное независимое существование. На протяжении четырехсот лет отношения между цивилизациями заключались в подчинении других обществ западной цивилизации.

Причины такого уникального и драматического развития крылись в социальной структуре и межклассовых отношениях на Западе, расцвете городов и торговли, относительной расцентрованности власти между вассалами и монархами, а также светскими и религиозными властями, в зарождающемся чувстве национального самосознания у западных народов и развитии государственных бюрократий. Непосредственной причиной экспансии Запада была технология: изобретение средств океанской навигации для достижения далеких стран и развитие военного потенциала для покорения их народов. «В значительной степени, – заметил Джозеф Паркер, – подъем Запада обуславливался применением силы, тем фактом, что баланс между европейцами и их заокеанскими противниками постоянно склонялся в пользу завоевателей... ключом к успеху жителей Запада в создании первых по-настоящему глобальных империй послужили именно их способность вести войну, которую позже назвали термином “военная революция”». Экспансия Запада облегчалась также преимуществами в организации, формировании дисциплины и обучении войск, а также последующим превосходством в транспорте, логистике и медицинской службе, что явилось результатом ведущей роли Запада в промыш-

ленной революции [28]. Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но, скорее, превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт; жители не-Запада никогда этого не забудут.

К 1910 году мир был более един политически и экономически, чем в любой другой период в истории человечества. Доля международной торговли от валового мирового продукта была выше, чем когда бы то ни было до этого, и вновь смогла достичь этого показателя лишь к 70–90-м годам двадцатого века. Доля международных инвестиций от общего их количества была выше, чем в любое другое время [29]. Цивилизация как термин означала как правило западную цивилизацию. Международный закон был западным международным законом, основанным на традициях Древней Греции. Международная система была западной Вестфальской системой суверенных, но «цивилизованных» национальных государств и подконтрольных им колониальных территорий.

Возникновение такой международной системы с доминированием Запада было вторым важным этапом развития глобальной политики за весь период после 1500 года. Помимо взаимодействия с не-западными обществами в режиме «господство – зависимость», западные сообщества также взаимодействовали друг с другом на более равноправной основе. Эти взаимодействия между политическими общностями в пределах одной цивилизации весьма напоминали то, что происходило внутри китайской, индийской и греческой цивилизаций. Они основывались на культурной гомогенности, которая включала в себя «язык, закон, административную практику, сельское хозяйство, землевладение и, возможно, родство». Европейские народы «разделяли общую культуру и поддерживали обширные контакты посредством активной торговли, постоянного перемещения людей и потрясающего родства правящих семей». Кроме того, они практически постоянно вели войны друг с другом; среди европейских государств мир был исключением, а не правилом [30]. И хотя значительную часть этого периода Оттоманская империя контролировала порой до четверти того, что считалось Европой, но эта империя не воспринималась как член европейской международной системы.

На протяжении 150 лет во внутрицивилизационной политике Запада доминировали глубокий религиозный раскол, а также религиозные и династические войны. Еще в течение полутора столетий после Вестфальского мира вооруженные конфликты в западном мире происходили в основном между правителями – императорами, монархами абсолютными и монархами конституционными, которые пытались расширить свои бюрократии, свои армии, свое экономическое влияние и, что самое главное, территории, которыми они правили. В процессе этого они создали национальные государства, и, начиная с Французской революции, основные линии конфликтов пролегли скорее между нациями, чем их правителями. В 1793 году, по выражению Р. Р. Палмера, «войны между королями завершились; начались войны между народами» [31]. Эта модель девятнадцатого столетия была в силе до Первой мировой войны.

В 1917 году, в результате русской революции, к конфликтам между национальными государствами прибавился конфликт идеологий, сначала между фашизмом, коммунизмом и либеральной демократией, затем между последними двумя. Во время холодной войны эти идеологии были воплощены двумя сверхдержавами, каждая из которых определяла свою идентичность своей идеологией, и ни одна из них не являлась национальным государством в традиционном европейском смысле. Приход к власти марксизма сначала в России, затем в Китае и Вьетнаме стал переходной фазой от европейской международной системы к постевропейской многоцивилизационной системе. Марксизм был продуктом европейской цивилизации, но он в ней не укоренился и не имел успеха. Вместо внедрения этой идеологии на Западе, модернизаторская и революционная элита импортировала ее в не-западные общества; Ленин, Мао и Хо Ши Мин подогнали ее под свои цели и использовали, чтобы бросить вызов западному могуществу, а также чтобы мобилизовать свои народы и утвердить их национальную идентичность и

автономность в противовес Западу. Коллапс марксизма в Советском Союзе и его последующая реформа в Китае и Вьетнаме не означает, однако, что эти общества способны лишь импортировать идеологию западной либеральной демократии. Жители Запада, которые так считают, скорее всего, будут удивлены творческой силой, гибкостью и своеобразием незападных культур.

Взаимодействия: полицивилизационная система

Таким образом, в двадцатом веке взаимоотношения между цивилизациями перешли от фазы, характеризующейся однонаправленным влиянием одной цивилизации на все остальные, к этапу интенсивных, непрерывных и разнонаправленных взаимоотношений между всеми цивилизациями. Обе характерные черты предыдущей эры межцивилизационных отношений начали исчезать.

Во-первых, как любят говорить историки, завершилась «экспансия Запада» и началось «восстание против Запада». Неравномерно, с паузами и «отыгрышами», снижалось могущество Запада по сравнению с влиянием других цивилизаций. Карта мира образца 1990 года мало чем похожа на карту мира в 1920 году. Баланс военного и экономического могущества, а также политического влияния изменился (что более подробно рассматривается в следующей главе). Запад продолжал оказывать значительное влияние на другие общества, но взаимоотношения между Западом и другими цивилизациями все больше обуславливались реакцией Запада на развитие этих цивилизаций.

Уже не являясь просто объектами создаваемой Западом истории, не-западные общества быстро становились движущими силами и создателями как своей собственной, так и западной истории.

Во-вторых, в результате этих изменений, международная система вышла за рамки Запада и стала полицивилизационной. Одновременно с этим конфликт между западными странами, которые доминировали в системе на протяжении столетий, угас. К концу двадцатого века Запад перешел от фазы воюющего государства как этапа развития цивилизации к фазе универсального государства. К концу нашего века эта фаза все еще не завершена, поскольку страны Запада состоят из двух полууниверсальных государств Европы и Северной Америки. Эти две целостности и их составляющие объединены тем не менее невероятно сложной сетью формальных и неформальных институтов. Универсальные государства предыдущих цивилизаций – империи. Однако поскольку демократия является политической формой правления в западной цивилизации, зарождающееся универсальное государство является не империей, а, скорее, целостностью федераций, конфедераций, международных уставов и организаций.

Основные политические идеологии двадцатого века включают либерализм, социализм, анархизм, корпоративизм, марксизм, коммунизм, социал-демократию, консерватизм, национализм, фашизм и христианскую демократию. Объединяет их одно: они все – порождения западной цивилизации. Ни одна другая цивилизация не породила достаточно значимую политическую идеологию. Запад, в свою очередь, никогда не породил основной религии. Все главные мировые религии родились в не-западных цивилизациях и в большинстве случаев раньше, чем западная цивилизация. По мере того как мир уходит от господства Запада, сходят на нет идеологии, олицетворяющие позднюю западную цивилизацию, и на их место приходят религиозные и другие формы культурной идентичности. Вестфальское разделение религии и международной политики, идиосинкратический продукт западной цивилизации, подходит к концу, а религия, по словам Эдварда Мортимера, «все чаще вмешивается в международные дела» [32]. Внутрицивилизационное столкновение политических идей, порожденное Западом, сейчас вытесняется межцивилизационным столкновением культур и религий.

Глобальная политическая география, таким образом, изменилась: вместо одного мира в 1920 году на карте появилось три мира в 1960-м и с полдюжины миров в 1990-х годах. Глобальные западные империи соответственно сжались до более ограниченного «свободного мира» в 1960-х годах (понятие, которое включало множество не-западных государств, противостоящих коммунизму), затем до еще более узкого «Запада» в 1990-х. Это изменение было отражено семантически между 1988 и 1993 годами снижением употребления идеологического термина «свободный мир» и все более частым появлением цивилизационного понятия «Запад» (см. таблицу 2.1). Это подтверждается также более частым употреблением слов «ислам» (как культурно-политический феномен), «Большой Китай», Россия и ее «ближнее зарубежье», а также «Европейский союз» в качестве терминов с цивилизационным значением. Межцивилизационные отношения в этой третьей фазе намного более часты и интенсивны, чем они были во время первой фазы, и более равноправны, чем во время второй. Кроме того, в отличие от времен холодной войны, уже нельзя сказать, что международную ситуацию определяет одна линия разлома между Западом и не-Западом, сейчас в равной степени влияние оказывают несколько линий межцивилизационных разломов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.